

Архивы Анненрба

Андрей Васильченко

Зондеркоманда X

Колдовской проект Гиммлера

Андрей Вячеславович Васильченко
Зондеркоманда Х.
Колдовской проект Гиммлера
Серия «Архивы Аненэrbэ»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14654745

А. В. Васильченко. Зондеркоманда Х. Колдовской проект Гиммлера: ООО «Издательский дом «Вече»; Москва; 2011

ISBN 978-5-9533-5005-1, 978-5-4444-8078-6

Аннотация

Через два года после окончания Второй мировой войны германские газеты написали о находке собрания из 140 тысяч книг и документов, принадлежащего СС. Материалы, обнаруженные в полуразрушенном замке графа Хаугвитца, были лишь остатками архива «Зондеркоманды Х. Считается, что это подразделение исследовало старинные способы истязаний, чтобы использовать их на практике. На самом деле, «Зондеркоманда Х» действительно изучала материалы процессов над ведьмами. Но только теперь стало известно, зачем...

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Фундамент в «народническом» стиле	8
Глава 2. Ариософская эзотерика	34
Глава 3. Нордические теоретики и нордический феминизм	47
Конец ознакомительного фрагмента.	55

**Андрей Васильченко
Зондеркоманда Х.
Колдовской проект Гиммлера**

© Васильченко А. В., 2011

© ООО «Издательский дом «Вече», 2011

* * *

Предисловие

Два года спустя после окончания Второй мировой войны германские газеты опубликовали небольшой материал, на который поначалу никто не обратил внимания. 4 февраля 1947 года в берлинском «Телеграфе» оставшийся неизвестным библиотекарь из Познаньского университета сообщал об эсэсовском собрании из 140 тысяч книг и документов, эвакуацией которого он руководил в марте 1945 года. То, что нашел архивариус в полуразрушенном замке графа Хаугвитца, было остатками документации созданной в 1935 году «Зондеркоманды Х»¹, которая занималась изучением средневековых процессов по делам осужденных ведьм. Документы процессов над колдуньями охватывали период между XI и XVIII веками. Найдя в книгах пометки, сделанные эсэсовцами там, где были описаны методы дознания и пыток, польский исследователь сделал ошибочный вывод. Он полагал, что это подразделение должно было исследовать применяемые в прошлом способы истязаний, чтобы использовать их на практике. Но это предположение было неправильным. Действительно, летом 1943 года РСХА, Главное управление имперской безопасности СС, конфисковало замок графа Хаугвитца, построенный в стиле барокко. Здесь от воздушных налетов должна было укрыться одна из структур 7-го управления РСХА, занимавшегося мировоззренческими исследованиями. Эта структура носила название «Зондеркоманды Х» или «особого проекта Х». «Зондеркоманда Х» активно занималась изучением процессов над ведьмами. Но совсем с другой целью, нежели это предполагал польский библиотекарь.

Гиммлер всегда проявлял интерес к ведовству и всему, что было с этим связано. Об этом свидетельствует хотя бы один пример. 23 мая 1939 года Рейнхард Гейдрих, шеф службы безопасности СС, направил одному из своих подчиненных, доктору Шпенглеру, секретную директиву. В ней предписывалось отыскать в родословной рейхсфюрера СС ведьм или колдуний. Приказ был почти тут же выполнен. СД обнаружило в архивных документах упоминания о некой 48-летней вдове Маргарет Гимблер из Маркайсхайма, которая как ведьма была сожжена 4 апреля 1629 года. Реакция Гиммлера на это сообщение осталась неизвестной. Скорее всего, он был доволен этим результатом, так как в его семье существовала легенда о прародительнице, сожженной на костре. Впрочем, этого единичного случая явно было недостаточно для объяснения кропотливого изучения эсэсовцами истории «колдовских процессов», проходивших не только в Германии, но и по всей Европе.

---

¹ H-Sonderkomando, Hexen-Sonderkomando. «Колдовская Зондеркоманда». Здесь и далее использование приставки Х обозначает немецкое слово Hexen – «колдунья, ведьма».

Deutschland

ZEITGESCHICHTE

Wo die Raben kreisen

Heinrich Himmlers Obsession war die Hexenforschung. Eine neue Studie rekonstruiert die Geschichte der „Hexenkarteothek“ des Reichsführers SS.

Im Barockschloss der Grafen Haugwitz beim niederschlesischen Glogau fand sich im März 1945 die Hinterlassenschaft eines skurrilen Projekts der SS. Das Anwesen barg rund 140.000 Bücher und Aktenstücke, darunter zum Teil halb verkohlte Werke, die sich mit der Geschichte der Strafverfolgung seit dem 13. Jahrhundert beschäftigten.

Ein Bibliothekar der Universität Posen, der auf die seltsame Sammlung gestoßen war, fand darin jede Menge „angekreuzte Stellen, wo die verschiedenen Foltermethoden beschrieben sind“. Er wunderte sich und vermutete, die SS habe „Methoden der Quälerei“ zusammengetragen – zum Zweck der Anwendung.

Tatsächlich war der Mann auf die Überreste einer obskuren Obsession Heinrich Himmlers gestoßen: auf den „Hexen-Sonderauftrag des Reichsführers SS“.

Ab 1935, rekonstruierten Regionalhistoriker um den Tübinger Landeskundler Sonke Lorenz, hatten hauseigene SS-Forscher im Dienste des geheimnisträumisch als „H-Sonderauftrag“ abgekürzten Projekts hunderte von Archiven und Bibliotheken auf der Suche nach Spuren sämtlicher Hexenprozesse seit dem Mittelalter durchkämmt**.

Auf 33.846 großformatigen Karteibogen („Hexen-Blätter“) dokumentierten sie Fälle von Hexenverfolgung und -verbrennung aus ganz Deutschland – und bis hin nach Indien und Mexiko – in einer ebenso riesigen wie seltsamen „Hexenkarteothek“.

Einen Grund für das Faible des SS-Chefs vermuten die Forscher in einer Familiensage der Himmlers: Ein Vetter namens Wilhelm August Patin, SS-Untersturmführer und ehemals Kanonikus am Münchner Kollegiatstift St. Kajetan, verbreitete gern, eine Uralnain Heinrich Himmlers namens Passaquay sei einst als Hexe verbrannt worden. Offenbar trieb nicht zuletzt diese Vorstellung den Reichsführer um.

Dessen Phantasie war leicht zu erregen: Als Hermann Göring einmal beiläufig erwähnte, „dass er bemerkt habe, dass an früheren Hinrichtungsplätzen heute noch die Raben in besonderem Maße kreisen oder sich dort niederlassen“, verfügte

Hexenverbrennung*: „Reste altgermanischer Volkskultur“

Himmler sogleich, solche Orte nach Kriegsende „interdisziplinär“ zu erforschen.

Ein Gebäckmodell in Hirsch-Form, Himmler von der „Reichsfrauenführerin“ Gertrud Scholtz-Klink verehrt, verhalf – nach befürwortendem Gutachten des beordneten Forschungsausschusses unter Schirmherrschaft des Reichsjägermeisters Göring – einem Professor der SS-Forschungsgemeinschaft „Ahnenerbe e. V.“ zu einem öffentlich geförderten Auftrag zur „Sinnbild-Forschung“ über „das Hirsch-Motiv“.

Himmler sah in der Hexenverfolgung eine Art frühneuzeitlichen Holocaust an

der germanischen Rasse – betrieben und begangen durch die katholische Kirche. Der Hexenwahn, wurde er nicht müde zu wiederholen, habe „das deutsche Volk hunderttausende von Müttern und Frauen deutschen Blutes durch grausame Verfolgung und Hinrichtung gekostet“.

Zugleich, so mutmaßten die Forscher, erhoffte sich Himmler, in den alten Akten „auf die Reste jener heidnischen altgermanischen Volkskultur zu stoßen, von der man annahm, dass sie mit den Hexen ausgerottet werden sollte“. Damit war seine Obsession weltanschaulich legitimiert.

Den SS-Wissenschaftlern des Amtes VII („Weltanschauliche Forschung und Auswertung“) in Himmlers Machtzentrale, dem Reichssicherheitshauptamt, die sich auch mit Kirchen, Freimaurern, Liberalen, Emigranten und Marxisten

* Gemälde eines unbekanntes Malers (um 1860).
** Sonke Lorenz, Dieter R. Bauer, Wolfgang Behringer, Jürgen Michael Schmidt (Hrsg.): „Himmlers Hexenkarteothek. Das Interesse des Nationalsozialismus an der Hexenverfolgung“. Verlag für Regionalgeschichte, Bielefeld, 1996, 148 Seiten, 28 Mark.

42 DER SPIEGEL 2/2000

Статья из журнала «Шпигель», посвященная «Зондеркоманде Х»

До сих пор ведутся дискуссии, зачем рейхсфюрер затеял такой дорогостоящий исследовательский проект, как изучение процессов над ведьмами. На протяжении долгого времени историки не могли указать ясную причину, что подтолкнуло его к такому шагу. К деятельности «Зондеркоманды Х» в период 50–80-х годов почти не проявлялось никакого внимания. Единственное небольшое упоминание о ней можно было найти в работе германского историка Иоахима Феста «Лики Третьего рейха». Причина, по которой «особый проект

Х» долгое время пребывал вне зоны интересов историков, крылась в том, что большая часть документов по этому вопросу находилась в польских архивах. Западногерманские исследователи не имели к ним доступа, а историки, приверженные принципам исторического материализма, полагали недостойным заниматься изучением «мракобесия». Прорыв произошел в 1987 году, когда немецкая исследовательница Эрика Висселинк издала книгу «Ведьмы: почему мы так мало знаем о них из истории и что из этих знаний является фальшивкой». В ней она впервые на достойном уровне затронула проблему деятельности «Зондеркоманды Х». После этого проблемы восприятия ведьм в Третьем рейхе стали объектом изысканий научного коллектива, который в 2000 году опубликовал сборник, называвшийся «Колдовская картотека Гиммлера». Казалось, что сказать что-то новое по этой теме уже было нельзя. Однако в 2004 году в рамках исследования национал-социализма как «политической религии» германский исследователь Франц Вегенер издал работу «Кельты, ведьмы, холокост: человеческие жертвоприношения в Германии». Нельзя не упомянуть, что важной вехой в изучении «проекта Х» стал 2007 год, когда появилась фундаментальная работа (впечатляли хотя бы ее объемы) Феликса Видемана «Мать расы и мученица: образ ведьмы в романтизме, фёлькише движении, неоязычестве и феминизме». В ней было дано убедительное обоснование версии, что возникновение «Зондеркоманды Х» было логичным итогом длительного исторического процесса, а не «причудой» Генриха Гиммлера. В 2009 году на свет появились две обзорные работы. Одну из них написала польская историк Катажина Лещинская («Ведьмы и германцы: интерес национал-социализма к преследованию ведьм»), а вторую – начинающая немецкая исследовательница Штефания Лайзентритт («“Уничтожение мудрых женщин” – реальность или ошибочная трактовка?»). Использование всех исследований позволяет ответить на вопрос: зачем Генриху Гиммлеру потребовалась «Зондеркоманда Х»?

Глава 1. Фундамент в «народническом» стиле

С некоторыми оговорками движение фёлькише, что на русский может быть переведено как «национальное народничество», можно характеризовать как идеологического предшественника германского национал-социализма. В рамках данной книги нас в первую очередь будут интересовать не все мировоззренческие компоненты фёлькише² идеологии, а то, что представители движения фёлькише активно интересовались «ведовской проблемой» и историческими вопросами, связанными с преследованием ведьм. Этот интерес к отдельно взятому, небольшому историческому сюжету постепенно развился в самостоятельное идеологическое направление. Однако обвинения в адрес католиков, преследовавших в свое время ведьм, не являлись изолированным сюжетом. Они были составной частью аргументов, при помощи которых представители фёлькише намеревались дать собственное «национальное истолкование германской истории». Большинство попыток дать положительный образ германской ведьмы предпринимались представителями радикального, но не самого многочисленного крыла движения фёлькише. Интерес к данной теме был вызван в первую очередь тем, что эти деятели намеревались заменить христианство древнегерманскими религиозными культами. Подобные попытки должны были ослабить позиции умеренного крыла фёлькише движения, в котором германскую самобытность воспринимали только в контексте христианской истории.

Само понятие «фёлькише» нередко употребляется как обозначение всего спектра антилиберальных немецких националистов первой трети XX века. При этом под фёлькише нередко подразумевались течения, которые нередко отличились от сугубо фёлькише движения в узком понимании этого слова. Однако с началом XX века слово «фёлькише» стало применяться едва ли не ко всем представителям националистических и ультраправых организаций. В силу того что слово «фёлькише» стало характеристикой для обширного и весьма разнородного спектра германской политики, установить четкие границы этого расплывчатого явления фактически не представляется возможным. Эта проблема осознавалась самими немецкими националистами, которые нередко задавались вопросом: а что, собственно, надо было подразумевать под фёлькише движением?

Сразу же надо оговориться, что во второй половине XIX века прилагательное «фёлькише» не имело столь однозначного политически ангажированного звучания. Оно проникло в националистические и антисемитские круги только после того, как в 1873 году германист и литературный пурист Герман фон Пфистер-Швайгхузен (1836–1916), считающийся одним из родоначальников фёлькише движения, предложил найти замену для латинского слова «национальный». Речь шла не просто о кальке с этого слова, голом переводе на немецкий, а введение в оборот (в том числе международный) слова, которое бы имело вполне определенное значение и ассоциировалось исключительно с немецким народом. Поскольку любые пространственные замены, которые на другие языки мира должны были переводиться с немецкого исключительно как «национальный», оказались неприемлемыми, то было решено остановиться на слове «фёлькише».

Специфика слова «фёлькише», являвшегося производным от «фольк» (народ), может быть понятна только в контексте истории немецкого национализма. Вместо того чтобы обосновывать существование нации на принципах общего волеизъявления, что было весьма характерно для французов, в Германии предпочли понятие «нация» увязать с понятием

---

² Слово «фёлькише» может использоваться как в качестве прилагательного, например «фёлькише движение», так и в качестве существительного, обозначающего сторонников и активистов этого движения. Пример: «Фёлькише занимались изучением немецкой истории».

«народ». Уже на примере Якоба Гримма можно заметить, что «народ» в романтико-националистической мифологии XIX века представал как некое метафизическое явление, которое претендовало на статус самостоятельного исторического субъекта. Принадлежность к немецкому народу определялась не политическими и территориальными связями или некими субъективными «общими ощущениями», а вполне конкретными этническими критериями: языком, культурой, представлением о кровной общности. Только эти связи воспринимались в Германии как естественные, а потому неизменные факторы. Поскольку «народ» трактовался как выходящая за рамки государственности историческая категория, то отношение фёлькише национализма к существовавшим государствам и формам правления всегда было мягко говоря, специфическим. Фёлькише настаивали на объединении всех частей немецкого народа, который выходил за рамки одного государства. Как результат, германские националисты вначале отказывали в праве на существование габсбургской монархии (Австро-Венгерская империя), а затем и сменившим ее на карте Европы государствам. «Народный» компонент в немецком национализме был настолько силен, что в итоге немцам надо было, с одной стороны, ограничиться от всяческих «инородных влияний», а с другой стороны – в принадлежности к немецкому народу отказывалось различным людям, которые «не подходили» по сугубо этническим критериям.

Deutschlands Erneuerung

Monatschrift für das deutsche Volk

Inhalt:

Sinn und Bedeutung des deutschen Zusammenbruchs
Prof. Dr. G. v. Below

Helgoland und der Zanzibarvertrag .. .. . Kurd von Strantz

Des Vaterlandes Not .. .. . Prof. Dr. Dietrich Schäfer

Glück und Unglück in der Weltgeschichte
General d. Inf. Dr. h. c. Fhr. v. Freytag-Loringhoven

Slawentum und Judentum .. .. . Alfred Piech, Innsbruck

Der Widerspruch der neuzeitlichen Entwicklung (Schluß)
Dr. Franz Haifer

Die deutsche Unsal .. .. . Richard von Schaukal

Die Sands und die Kokebues (Fortsetzung) .. .. . Franz Kolbel

Politische Betrachtungen (Schwindel) Prof. Dr. H. Freih. v. Liebig

Bücherschau

J. F. Lehmanns Verlag » München

Preis: Vierteljährlich M. 5.- Einzelheft M. 1.80

«Немецкое обновление», один из немецких фелькише журналов

С началом XX века немецкие правые активисты и фёлькише движение в целом продолжили традиции, заложенные столетием раньше. В первую очередь это касалось понятия «народа», которое постепенно стало комбинироваться с вариациями расизма. Это привело к тому, что постепенно стали стираться границы между понятиями «народ», «нация» и «раса». Если поначалу слово «фёлькише» использовалось в качестве синонима «национальный», то затем оно стало отличительным признаком расового национализма, так как в XX веке расизм стал одним из центральных компонентов мировоззрения фёлькише. При этом идеология расизма превращалась в главный организующий принцип, который базировался на естественных, природных началах. Это относилось не только к фёлькише националистам, но и к классическим правым и консерваторам. «Природа» в фёлькише идеологии главным образом являлась метафорой для обозначения неискаженного, естественного порядка вещей. Поскольку «раса» была составной частью «природы», то некое расовое смешение воспринималось фёлькише в первую очередь как грубое нарушение естественного порядка. Для того чтобы обосновать этот тезис, авторы из фёлькише движения могли прибегать к различным расовым построениям, которые имелись как в гуманитарной, так и естественно-научной литературе того времени. Ставку они предпочитали делать главным образом на так называемый «научный расизм», то есть расово-антропологическую литературу, а также исследования, посвященные так называемой «расовой гигиене». В итоге проповедники «расовой гигиены» оказались во многих случаях тесно связанными с фёлькише движением. В этом симбиозе родились две гипотезы, которые стали идеологическими аксиомами для фёлькише. Во-первых, это была вера в исключительность собственной «германской расы». Во-вторых, это было предположение о существовании угрозы «высшей расе», которая могла утратить свою «исключительную» ценность в случае расового смешения, то есть утраты собственных расовых отличительных черт. В этих концепциях нередко использовались элементы евгеники, то есть «научной» утопии о возможностях расовой селекции человека. Кроме этого наличие «здорового» народного или расового организма провозглашалось важнейшей предпосылкой для осуществления «биополитики в области народонаселения».

Однако в фёлькише идеологии «раса» ни в коем случае не являлась совокупностью зафиксированных антропологических и генетических признаков, то есть сугубо биологическим понятием. Она была возвышена до уровня идеальной духовной, почти мифической категории. Подобные представления были присущи периоду возникновения «учения о расах», когда теоретики расизма не ограничивались классификацией и интерпретацией внешних расовых признаков. В основу ими были положены гуманитарные спекуляции о сути, происхождения и развитии таких явлений, как язык, культура, народ. В соответствии с фёлькише расизмом они определялись внутренними качествами рас, которые передавались по наследству, только после этого находя свое внешнее выражение. Только при помощи подобной смеси естественно-научных и гуманитарных теорий расизм смог превратиться во всеобъемлющее мировоззрение, которое было в состоянии на собственный манер трактовать социальные явления и исторические события. Традиционно присущие немецкому национализму романтизм и идеалистическая философия со временем трансформировались в метафизическую или духовную «расовую концепцию», что стало отличительной чертой немецкого фёлькише движения. То есть фёлькише комбинировали «идеализм» с внешне фиксируемыми расовыми признаками. По этой причине в начале XX века смесь расизма и убеждений о превалировании в человеке «души» или «духа» привели к возникновению специфической эзотерики. Сразу же надо оговориться, что оккультно-расовые теории, которые говорили о скрытых, таинственных «расовых возможностях», всегда являлись центральным компонентом эзотерического мировоззрения и мировосприятия.

При этом внутренняя конструкция «метафизического» расизма была связана в первую очередь с антисемитизмом. В данном случае акцент делался именно на неясности внешних

антропологических признаков, то есть учитывались мнимые духовные качества еврейского народа. Антисемитизм был не просто составной частью фёлькише идеологии, но выступал как формообразующий фактор для фёлькише движения. Это становится очевидным, если принимать в расчет, что некоторые из активистов фёлькише движения были выходцами из так называемого «партийного антисемитизма», который как организованная сила дал знать о себе в Германии в 80-е годы XIX века. Фёлькише в целом отвергали все, что было связано с еврейским народом, – это было общей отличительной чертой всего немецкого националистического движения. Однако причины, по которым в движении придерживались подобных установок, были различными. И здесь между отдельными направлениями фёлькише движения можно было обнаружить значительные различия. Кто-то предпочитал придавать антисемитизму религиозную окраску, некоторые фёлькише исходили из социальных установок, наиболее радикальные представители выбирали расовую «аргументацию». Хотя бы по этой причине уже во времена кайзеровской империи фёлькише движение по своему значению было фактически приравнено к антисемитизму. Однако многие из идеологов фёлькише движения либо осознавали, либо подспудно чувствовали, что подобные ассоциации в значительной мере урезали их мировоззрение. Хотя бы поэтому они полагали, что идентифицировать фёлькише исключительно как антисемитизм было недопустимым. В ответ на это они намеревались предложить целую программу преобразования немецкого общества. Главная идея состояла в том, чтобы негативно окрашенному слову «антисемитизм» было противопоставлено положительно звучащее слово «фёлькише».

В этом стремлении сформулировать положительные цели и «реформаторские» предложения фёлькише обнаруживали черты экспериментально-поискового движения. В нем возникало множество сообществ и организаций, которые действовали параллельно с традиционными политическими силами Германии. Уже в силу этого очень сложно обозначить четкие границы фёлькише движения. Так, например, фёлькише оказались тесно связанными с молодежными организациями и с движением «всеобщего преобразования жизни» («жизненных реформ»). Это сотрудничество осуществлялось прежде всего на страницах журналов и в издательской деятельности в целом. Если говорить о конкретных примерах, то контакты фёлькише с указанными выше организациями могли происходить, например, в рамках краеведческого движения или движения по охране природы. Охрана природы была наиболее показательным примером, так как под этим понятием подразумевались романтические устремления, которые во многом базировались на мифологических представлениях о связи племен и ландшафтов, народа и окружающей среды. Позже эта идеология нашла свое радикальное воплощение в тезисе о «крови и почве», который был заимствован национал-социалистами именно из среды фёлькише.

Фёлькише и движение «всеобщего преобразования жизни» также роднило то обстоятельство, что и там, и там придерживались теорий о вырождении общества, а также идей о том, что отчуждение человека было вызвано «проклятием цивилизации». В обоих случаях поиск выхода из «цивилизационного тупика» был связан с призывами к «возвращению к корням» и «исконной духовности». По этой причине многие работы фёлькише теоретиков вращались вокруг характерных для немцев черт, которые якобы когда-то были утрачены, но их надо было вернуть (либо пробудить), чтобы использовать в качестве силы, способной обновить немецкое общество. Конечно же, эти черты должны были быть присущи всему немецкому народу, германцам. В данном случае немцам предстояло обратиться в свое национальное прошлое, чтобы стать тем, кем они являлись по праву рождения, то есть «истинными германцами». В этом крылся один из принципиальных парадоксов фёлькише движения. Для преобразования общества в настоящем во имя будущего надо было самым радикальным образом обратиться в прошлое. Кроме этого надо было изжить уже имеющиеся признаки

«современного народа», чтобы обрести черты, которые по большому счету являлись продуктом умозрительных построений.

Фёлькише движение не испытывало недостатка в моделях германской или немецкой сущности, которые должны были служить примерами для подражания, некими образцами того, как надо было вести себя в «современной» жизни. В данном случае принципиальным моментом являлся вопрос о германской религиозности как составной части «истинной» народной жизни. В итоге уже в начале XX века фёлькише оказались связанными с многочисленными религиозными проектами, которые были призваны «возродить» духовную жизнь Германии. Тем не менее это не привело к отказу от расовой парадигмы, так как фёлькише сосредоточили свое внимание на пропаганде специфических расовых культов. Опираясь на метафизическое единство души и тела, внутренних и внешних качеств немца, провозглашалось, что раса и религия должны были соответствовать друг другу. В данном случае отвечающая «природе» немцев религия должна была являться духовным выражением принципиально неизменяемых расовых качеств германцев, то есть соответствовать «естественному порядку вещей». Классическое христианство с его универсальностью для этого никак не подходило, так как его выход за «расовые рамки» якобы нарушил «естественный уклад», что неизменно приводило к внутренней двойственности немцев, и как отдельного взятого человека, и как народа. Хотя бы в силу этих причин многие из фёлькише настаивали на восстановлении «изначальной» религии, которая должна была стать предпосылкой для национального возрождения всех немцев (подразумевались в первую очередь расовые качества).

«Вальпургиев поезд» 1932 года

Имея фактически одинаковые идеологические установки различные направления в фёлькише движении, тем не менее, создали разные религиозные модели, которые в некоторых случаях существенно отличались друг от друга. Единство соблюдалось только в признании необходимости преодоления конфессионального разделения Германии (католики и лютеране), а также национализации (германизации) религии, которая должна была «возродить народ». Кроме этого почти все фёлькише отличались радикальным антиклерикализмом

и антипапизмом, так как полагали, что влияние Рима и католической церкви было существенным препятствием на пути внутреннего единения немцев и страны. Антипапизм, вне всякого сомнения, во многом объяснялся протестантским происхождением многих активистов фёлькише движения. Однако даже те из фёлькише, кто, несмотря на всю критику в адрес существующих церквей продолжали принципиально придерживаться христианства, настаивали на том, чтобы оно было «германизировано», то есть по возможности должно было отказаться от своего ближневосточного происхождения и перестать восприниматься в Германии как иудео-христианство. Германское христианство, поборниками идей которого в первую очередь являлись немецкие священники и теологи, без проблем могло интегрировать в себя традиции религиозного антисемитизма. С одной стороны, иудаизм в его современной форме воспринимался как искаженная и устаревшая религия. С другой стороны – в Германии среди фёлькише курсировали идеи, в свое время заложенные мистиком раннего христианства Маркионом. Согласно им, «истинное» Евангелие не имело ничего общего с «еврейским» Ветхим Заветом, а христианский Бог не имел ничего общего с «божеством иудеев».

Если одни фёлькише группировки активно пропагандировали полный разрыв христианства с еврейской традицией, то другие пошли еще дальше. Исходя из антисемитских установок, некоторые из радикалов заявляли, что необходимо было отказаться от христианства в целом, так как оно являлось «инородной религией», навязанной германцам евреями. Выход из ситуации им виделся в возрождении язычества и традиций нордических предков. Однако эти радикалы ориентировались в первую очередь на те образы, которые были в свое время «нарисованы» немецкими романтиками, например братьями Гримм. В данном случае было бы большой ошибкой говорить о том, что фёлькише планировали восстановление действительного германского язычества, то есть дохристианского политеизма. В данном случае те, кто провозглашал себя «новыми язычниками», на самом деле ориентировались на имманентную Божественность, что было весьма характерно для немецких романтиков XIX века. Видя «одушевленность» всех вещей, они заимствовали из древних германских религий и культов только некоторые элементы пантеизма, но не более того. При планировании основополагающих преобразований фёлькише взывали к древности, которая на самом деле оказалась старой германской идеологией, помноженной на идеализированный образ Скандинавии. В данном случае фёлькише не были слишком оригинальными, так как опирались на пангерманскую традицию XIX века, когда ставился знак равенства между «германским» и «нордическим». В Скандинавии с ее северной мифологией фёлькише и пангерманистам виделись следы «собственного» язычества. При этом Скандинавские страны воспринимались ими как сохранивший себя в чистоте «германский мир», а потому их традиции должны были быть использованы фёлькише для проектирования расовых утопий.

Иоганн Якоб Бахофен

Обращаясь к мнимым нордическим корням, идеологи фёлькише движения на самом деле всего лишь перефразировали на свой манер знаменитую теорию, которая находила свое выражение в знаменитой фразе «Свет идет с Востока» (Ex Oriente Lux). Только в данном случае Восток, где якобы зародилась вся человеческая культура, заменялся на Север. И опять же это не было оригинальным творением фёлькише. Лозунг «Свет идет с Севера» (Ex Septentrione Lux) получил распространение в Германии еще во времена Тридцатилетней войны, хотя использовался он в то время исключительно в отношении Швеции и ее короля. Но уже в XX веке эта фраза получила другое звучание – она относилась к неким северным германцам, которые якобы являлись создателями «истинной культуры». Вопрос о происхождении арийцев в целом и индогерманцев в частности играл очень важную роль в идеологии фёлькише движения. Поначалу в европейской науке под арийцами подразумевалась крупная языковая группа. Однако позже под ними стали подразумевать некую этническую общность. И уже затем в идеологизированных работах стали говорить об «арийской религиозности», которая должна была быть противопоставлена восточным («семитским») культурам. Многие из идеологов фёлькише испытывали немалое искушение приравнять арийцев исключительно к индогерманцам, а затем и просто к германцам. Однако подобные наме-

рения создавали немало проблем, большая часть из которых было связана с определением места происхождения этого древнего «протонарода». Версия о возможном азиатском происхождении арийцев напрочь отлетала фёлькише. Среди националистов предпочитали говорить о Южной Швеции или вообще о территории Южной Германии, которая выступила в качестве «кузницы народов», то есть места, откуда началось так называемое «арийское завоевание мира». В некоторых случаях идеологи фёлькише использовали фантастические сюжеты, например учение о «мировом льде». Впрочем, в большинстве случаев предпочтение отдавалось мифологии. Среди немецких националистов наибольшей популярностью пользовались легенды о некогда погибшей далекой северной прародине. Впрочем, были и компиляционные версии. Так, например, мифы об острове Туле или Атлантиде могли дополняться конструкциями «теории о поллой земле». Подобные построения имели хождение среди фёлькише-эзотериков. Некоторые из них были взяты на вооружение даже национал-социалистами.

Изображение германского прошлого имело во многих случаях ярко выраженную «половую» окраску, что в свою очередь являлось результатом активного использования теорий Иоганна Бахофена. Швейцарский правовед и историк Бахофен (1815–1887) занимался главным образом исследованиями римского права и классической мифологии. В ходе этих исследований он обнаружил ссылки на случаи установления родства по материнской линии, несмотря на господство в античном мире патриархата.

Эти факты и примеры были соотнесены со сведениями, полученными после изучения некоторых современных первобытных народов. Это сопоставление заставило Бахофена заключить, что в социальном развитии человечества патриархату предшествовал матриархат. Господство женщин возникло, по его гипотезе, из еще более ранней стадии промискуитета («гетеризма»). Важными факторами этого развития были присущая женщинам религиозность и культ женского божества. Бахофен полагал, что первоначальная общественная структура была отражением религиозных взглядов. Схема эволюции общества излагалась им в 1861 году в труде «Материнское право» (*Das Mutterrecht*). Надо оговориться, что идеи Бахофена были восприняты не только фёлькише, но и марксистами. Если же говорить о фёлькише, то вне зависимости от того, как в их расовых утопиях изображались отношения полов, в любом случае воображаемое германское прошлое являлось временем «родового и полового порядка», противопоставлявшегося современности, в которой социальные функции полов ставились под сомнение. Во многих случаях теоретики фёлькише движения выступали с позиций решительного антифеминизма. Это приводило к тому, что между организованным движением противников предоставления гражданских прав женщинам и фёлькише движением имелись многочисленные связи и переплетения. В идеологической конструкции фёлькише движения мужчины и женщины были противопоставлены друг другу, а потому они должны были выполнять совершенно разные социальные функции. Однако нередко фёлькише отходили от традиционной консервативной модели распределения роли полов в немецком обществе. Различия между полами и возложенные на них задачи пытались трактовать исключительно на «комплексной основе». Если говорить о попытках формирования новой («старой») германской религиозности, то здесь ответы на «половой вопрос» находили самые различные формы.

В целом фёлькише идеология обнаруживала дуалистический характер и базировалась на системе не всегда очевидных противоречий, которые обычно выражались симметричными парами взаимоисключающих понятий: цивилизация против культуры, город против села, христиане против язычников, семиты против арийцев. С некоторыми оговорками к этим понятийным парам можно было отнести противопоставление мужчины и женщины. Большинство из этих понятийных пар были связаны между собою (по крайней мере на уровне ассоциаций), что приводило к созданию целой понятийной сети, из которой и возни-

кала фёлькише идеология. Этот бинарный схематизм находил свое выражение даже в наименовании неких исторических сил, которые определяли историю. Для обозначения «собственного» коллектива фёлькише использовали самые различные слова: немцы, германцы, арийцы, индогерманцы, носители нордической культуры и т. д. Однако для фёлькише движения разработка детальной системы подобных самоназваний не имела большого значения, так как почти все эти понятия воспринимались как синонимы. Куда большее значение придавалось созданию понятийной схемы, в которую были заложены определения для «антиподов» – семиты, христиане, славяне. В итоге срачивания этих двух систем понятие «ариец» оказалось через бинарную пару сведено к понятию «не-семит» или «не-еврей».

Схема противопоставления «своего» и «чужого» находила свое отражение даже на уровне географических и топографических представлений, которые в качестве коллективных представлений («ментальный ландшафт») имели давнишние традиции как в немецкой, так и в европейской культуре. В фёлькише идеологии «Азия», собственно, как и «Восток», воспринималась как «непригодные для жизни пустыни», полнейший антипод «Европы» и злейший враг «Севера». «Восточная пустыня» противопоставлялась «германским лесам». Такое идеологическое направление, как «фёлькише ориентализм», в котором арийское прошлое было «даровано» не только Европе, но также Персии и Индии, всегда противопоставляло эти страны «семитскому Востоку», то есть имело антисемитский подтекст. В данном случае нередко христианство относили к числу «ориенталистских», «семитских» религий, которые в свою очередь противопоставлялись «европейским религиям».

Вновь и вновь в фёлькише идеологии можно было найти отголоски гностических традиций. Подобное родство не было случайностью. В гностических традициях активно использовались не только многообразные метафоры света, но также имелись признаки самообожествления, а также мистического антисемитизма, что нередко проявлялось в форме антихристианских настроений. Подобно тому, насколько была в свое время разнообразной гностическая мистика, настолько же разнородным с идеологической точки зрения оказалось и фёлькише движение. В итоге само движение не было единым организационным строением, а всего лишь великим множеством самых различных организаций, союзов и групп, собранных под крышей одного понятия и определения. Даже современники отмечали, что фёлькише были очень разветвленной сетью, в хитросплетениях которой было дано разобрататься отнюдь не каждому. Ситуация осложнялась тем, что при наличии многочисленных связей и пересечений некоторые из небольших группировок и союзов занимали враждебную по отношению друг к другу позицию. Сложность и противоречивость фёлькише движения можно было обнаружить, если обратить внимание на организационные формы относящихся к нему структур. Они были настолько разнообразными, что начинались с обыкновенных общественных объединений, проходили через эзотерические кружки и заканчивались организациями, которые по своей структуре и идеологии весьма напоминали тайные ложи или ордена. Объединение большей части фёлькише движения стало возможным лишь в 20-е годы XX века, когда все силы немецких националистов оказались устремлены на борьбу с «молодой» Веймарской республикой. Только наличие этого «общего врага» позволило многим фёлькише преодолеть до этого существовавшие в аморфном движении идеологические противоречия и личную неприязнь.

Как уже говорилось выше, между фёлькише и движением «всеобщего преобразования жизни» имелись многочисленные точки пересечения, что было предопределено критическим отношением к современности. Критика современного (тому времени) буржуазного общества строилась на принципах отношения индивидуума, природы и общества. И фёлькише, и «реформаторы жизни» подразумевали, что эти три элемента не должны были быть противопоставлены друг другу, а объединены в гармоничной взаимосвязи. Однако такого не

было в действительности, так как человек, с одной стороны, оказался отчужденным от природы, а с другой стороны – не мог найти себя в механизированном обществе. По этой причине необходимо было изменить отношения личности, природы и народа (общества). Они должны были дополнять друг друга, а не быть противопоставленными. Подобные устремления имелись даже в таких на первый взгляд неполитизированных областях культуры, как театр и нудизм (в немецком варианте – «культура свободного тела»). Если говорить о театральных постановках, то они могли выступать в проектах по «преобразованию жизни» в качестве выразительного средства, которое бы пропагандировало идеи единства человеческого тела, природы и «народного сообщества».

На самом деле в начале XX века в Германии предпринимались разнообразные попытки реформирования немецкого театра. На свет появлялись «природные театры». Левое движение инициировало появление «народных театров». Суть предполагаемого реформирования предопределялась аспектами, которые подлежали обязательному преобразованию. В качестве таковых могли выступать: репертуар, сцена, актерское мастерство, публика т. д. В любом случае каждое из реформаторских направлений было нацелено на изменение классического буржуазного театра, который казался на рубеже веков излишне индивидуалистическим, напыщенным и искусственным, то есть неестественным. В этой связи нет ничего удивительного в том, что некоторые из реформаторов немецкого театра начала XX века исходили из того, что он должен был быть отражением гармоничного союза искусства, природы и общества (народа). В некоторых случаях подобные устремления к «универсализации» театра имели откровенно религиозный подтекст. Некоторые из постановщиков предпочитали ставить спектакли, посвященные дохристианской эпохе. Отдельные даже решались на постановку мистерий или спектаклей, которые являлись инсценировкой «германских» культовых действ. В то время Германия находилась под несомненным влиянием Рихарда Вагнера и Фридриха Ницше, которые заложили основы «новой трагедии». Воспринявшие их программу реформаторы театра нередко переносили действие пьес в архаичные культовые места, которые должны были символизировать близость к «естественному сообществу». Подобные постановки вызвали немалый интерес у теоретиков «германских культов», что стало отправной точкой для взаимодействия некоторых театралов с фёлькише движением.

В этой связи в первую очередь надо обратить внимание на фигуру Эрнста Вахлера (1871–1945), который являлся не просто одним из реформаторов немецкого театра, но и был центральной фигурой среди «национальных литераторов», а также принадлежал к числу сторонников возрождения «германской религиозности». Его взгляды были изложены в программном произведении, которое увидело свет в 1903 году под названием «Немецкий театр будущего». Эта работа по своей сути являлась трансформированными в духе фёлькише идеями реформирования театра. При этом Вахлер использовал как многообразие идей театральных реформаторов, так и многочисленные доктрины, которые были порождены в недрах фёлькише движения. Часть идей говорила о необходимости близости театра к природе. А потому, когда Вахлер рассуждал об открытых сценах и подмостках, то он фактически озвучивал идею фёлькише о мифической взаимосвязи между народом, народной культурой и природными ландшафтами. Он предполагал, что созданные «под открытым небом народные сцены» будут обладать чертами «национального и религиозного посвящения», «выступать в качестве праздничных мест нашего народа, являться сокровищницами нашего национального наследия». Однако в данном случае имелся и ярко выраженный политический акцент, так как Вахлер предполагал превратить новую сцену в «арену борьбы за наше искусство». В данном случае при помощи сценических средств борьба должна была вестись «народом против вырождения, простотой против роскоши, природой против неестественности».

Немецкая марка с изображением фрау Холле

Особое внимание Вахлер уделял тому, чтобы сцены под открытым небом создавались вблизи от тех мест, которые уже в рамках формировавшейся с XIX века романтической мифологии считались «священными», то есть были связаны с древними германскими культурами. Вахлер как один из идеологов создаваемой «германской религиозности» придавал большое значение Вальпургиевой ночи. Целям новой мифологии полностью соответствовала так называемая «танцевальная площадка ведьм» близ Тале, которая располагалась у подножия горы Броккен в Гарце. Именно здесь Вахлер намеревался осуществить свои планы по созданию «природного театра». В своем проекте Вахлер опирался на разработки художника и архитектора Германа Хендриха (1854–1931), который был одним из активистов фёлькише движения. В этом сотрудничестве был создан «Вальпургиев зал», строение в старогерманском стиле, для оформления которого Хендрих использовал мотив из «Фауста» Гёте. Сам же архитектор полагал, что «непроходимая дикая местность» Гарца с его горными ландшафтами являлась «убежищем последних германских язычников». Распространявшаяся в эзотерических кружках и фёлькише движении теория «весеннего праздника ведьм» также и у Хендриха находила трактовку исключительно через «солнечные культы древних арийцев». Он писал: «Здесь они [язычники. – А. В.], со всех сторон оберегаемые каменными стенами, могли праздновать наступление весны и приветствовать восходящее солнце, чем нагоняли ужас на поборников христианства». В конце концов, и сам Вахлер был убежден в том, что место для танцев ведьм было связано с «древними очагами и культовыми местами», а потому «теперь надо было вновь развести ритуальные костры на этой священной земле». В итоге летом 1903 года по его инициативе в этих краях был открыт «Горный театр Гарца» – образцовые для фёлькише театральные подмости, которые десятилетия спустя послужили образцом для возведения национал-социалистических тинг-площадок. Целью «Горного театра»

было «обретение немецкой народностью своей сути посреди мощной и естественной природы», что должно было найти свое выражение в «заботе о германском естестве и просветлении души немецкой нации при помощи постановок об идеальных германских личностях».

Вахлер был одним из первых, кто в стихотворной форме составил специальное обращение к зрителям, которое по своей форме весьма напоминало ритуал из германской мифологии. В этом действе принимали участие не только ночные и лесные женщины, которые «позже» были провозглашены ведьмами, но и легендарная фрау Холле (матушка Хольда).

Матушка Хольда (фрау Холле) является персонажем немецких сказок, собранных братьями Гримм. Она впервые появляется в сборнике 1812 года. Первоначально она была известна как фрау Холле из сказки под № 24. Сказка «Матушка Хольда» рассказывает историю о богатой вдове и ее родной дочери и падчерице. Суть этой сказки такова. Вдова потворствовала своей родной дочери, позволив ей стать ленивой, в то время как ее падчерица должна была делать всю работу. Каждый день падчерица должна была пряхть у колодца. Однажды она уколола палец о кончик веретена. Наклонившись к колодцу, чтобы смыть кровь, она уронила веретено в воду. Опасаясь наказания за потерю веретена, падчерица прыгнула за ним в колодец. К своему удивлению, девушка оказалась в мире Хольды, которая держала ее как служанку в течение нескольких недель. Однако Хольда была настолько впечатлена кротостью девушки и трудолюбием, что она отправила ее обратно в семью, с фартуком, полным золота. Мать, думая, что ее собственная дочь тоже могла бы получить золото, направила ленивицу в колодец работать для матушки Хольды. Но Хольда осталась недовольной ее плохим характером и отправила домой, облитую смолой.

Фрау Холле вызывает снег

Сама легенда, в том виде, в котором она в конечном итоге перешла к братьям Гримм, судя по всему, происходила из традиции устного творчества Центральной Германии, из местности, сейчас более известной как Гессен. Это предание было рассказано Генриеттой Доротеей Вильд, на которой Вильгельм Гримм женился в 1825 году. В первом варианте сказания имелось множество интересных деталей, которые появились в сказках братьев только во втором издании (1819). До сих пор в Гессене сохранилось высказывание о том, что «Хольда готовит себе постель», это означает – идет снег, то есть она перетряхивает перину и идет снег с небес. В данном случае большинстве фёлькише полагали, что в германском дохристианском фольклоре имена Холле, Хольда, Хульд, Холле использовались для обозначения одной и той же богини, которая отвечала за погоду.

Если же возвращаться к постановке Вахлера, которая назвалась «Вальпургии», то надо отметить несколько моментов. Во-первых, композитором в данном случае выступил друг Фридриха Ницше Петер Гаст. Во-вторых, сама постановка именовалась не иначе как «торжественное представление в честь праздника весны». В-третьих, в этом действе центральной темой были германские ведьмы. В сюжете и мотивах пьесы, которая была посвящена торжественной встрече «майской королевы», отчетливо читалось идеологическое влияние фёлькише. Это произведение, несколько наивное и по-своему откровенное, рассказывало об истории одной бедной и скромной немецкой девушки, живущей в деревне. В ходе майского праздника (Вальпургиевой ночи) ее избирают «майской невестой», которая должна сочетаться браком с прекрасным юношей. Элементы романтического национализма появляются здесь поначалу только лишь как представление о земной жизни народа Гарце, который «честно сохраняет верность обычаям отцов». Однако действие пьесы происходит во времена кризиса, которым была охвачена Германия. А потому главные герои с тревогой видят, как в их жизнь вмешивается «безродное торгашество», а старые традиции и обычаи постепенно забываются. Зрителю предлагается выход из сложившейся ситуации – возвращение к древней германской культуре, старой немецкой вере, которая в своих основных чертах весьма напоминала «нордическую мифологию». Подобное решение накопившихся в обществе проблем сразу же было понято и принято главными героями пьесы. Для еще большей убедительности Вахлер вводит в действие фигуру таинственной старухи, в которой герои сразу же опознают германскую «женщину трав», которая является предсказательницей, то есть ведьмой. По ходу действия выясняется, что таинственная старуха является германской богиней Хольдой, которая пришла с множеством «приближенных», чтобы справить «истинную» германскую майскую свадьбу. В пьесе появляются и братья Гримм, которые выступают в качестве крестных главных героев. Связь с христианством не позволяет им увидеть истинное лицо Хольды и ее окружения, а потому они превращают их в своих сказках в отталкивающих ведьм, хотя на самом деле они являются «лесными женщинами» (германская разновидность эльфов). В данном случае Вахлер прибег к игре слов: если германская богиня зовется Хольдой, то ее окружение именуется «хольдами», что в переводе с немецкого означает «прелестная», «благосклонная». Хольды («лесные женщины») поют в одной из сцен: «Мы, ночные женщины, живем в тенистых рощах, мы ведаем судьбу, мы помогаем и лечим. Мы живем в самой чаще зеленого леса, о нашей тайне не знает никто».

Вводя в действие мифических существ, Вахлер как бы проводил параллель между земной свадьбой главных героев и «небесной свадьбой», чье почитание происходит в обрядах Вальпургиевой ночи. В конце пьесы на сцене появляется «пришелец», которым оказывается бог Вотан, именуемый «отцом всего сущего». Таким образом, как бы указывается на связь между людьми (девушки, устроители праздника) и богами (Хольда и Вотан). То есть делается намек, что человеческая жизнь должна быть отражением жизни божественной, а микрокосм сельской жизни должен соответствовать макрокосму Вселенной, устроенной по «высшим законам». Наличие в действии одновременно «земной» и «небесной»

свадьбы изображается Вахлером как необходимая составная часть священного германского торжества, которое являлось праздником плодородия. Не случайно в пьесе звучат слова: «Новая весна настала, цветы, благородный народ!» Уже после окончания Второй мировой войны пьеса Вахлера не раз подвергалась вульгарным трактовкам, в которых указывалось на ее связь с идеями демографической политики (праздник плодородия = увеличение германского народонаселения). Подобные версии кажутся надуманными. Несмотря на то что Вахлер выказывал определенные симпатии к биополитическим программам фёлькише движения, он никогда не делал их центральным компонентом, чего нельзя сказать про «культуру свободного тела».

Взаимопроникновение фёлькише движения и немецкого нудизма, «культуры свободного тела», было продиктовано преимущественно эстетизацией и метафизическим перевознесением человеческого тела. Это было не только отличительной чертой фёлькише, но и представителей движения «всеобщего преобразования жизни». Точками соприкосновения между этими двумя явлениями в политической жизни кайзеровской Германии являлось отношение к вопросам пола, сексуальности и тела, которые в упомянутых движениях определялись расовыми представлениями и таким учением, как «расовая гигиена».

Случаи, когда проповедники нудизма одновременно являлись активистами фёлькише движения, были отнюдь не единичными. В этой связи необходимо упомянуть Генриха Пудора (1865–1943), который не только «изобрел» понятие «накт-культура» (обнаженная культура), но и породил соответствующее движение. Следующим после Пудора идеологом национального нудизма стал Рихард Унгевицтер (1868–1958). Именно он впервые увязал нудизм с расовыми утопиями, которые провозглашались в среде фёлькише. В 1906 году Унгевицтер участвует в создании «Аристократического нудо-национального альянса». Эта организация по своей форме напоминала нечто среднее между теософским кружком и фёлькише ложей. Одним из соучредителей, а затем и центральной фигурой в альянсе являлся строительный магнат и издатель Макс Фердинанд Зебальдт (1859–1916). Он стал важным связующим звеном между движением «всеобщего преобразования жизни», теософскими кружками и фёлькише организациями. Именно Зебальдт начала планомерно соединять между собой пропаганду «свободного тела», расовую гигиену, кельтскую и германскую мифологию, а также эзотерические доктрины. В отличие от Унгевицтера и большинства ранних приверженцев «национального нудизма», которым была в значительной мере присуща аскетическая модель сексуального поведения, Зебальдт активно пропагандировал расистско-сексуальную религию, в которой должны были практиковаться ритуальные половые сношения. Сама концепция Зебальдта во многих моментах обнаруживала откровенно порнографические черты. При этом создатель новой «религии» использовал идеи сексуально-магических практик, которые были распространены на так называемой «окультуренной периферии». Запутанную идеологию Зебальдта можно было бы назвать эзотерическим пансексуализмом, который был увязан с отдельными фрагментами фёлькише идеологии.

Эмблема фильма «Путь к силе и красоте», который был посвящен «культуре свободного тела»

Основы нового культа были изложены Зебальдтом в пятитомном произведении, которое называлось «Генезис». Один из томов этого «исследования» сексуального культа был посвящен проблеме ведм. Этот том имел название «Законы зачатия». Именно в нем Зебальдт утверждал, что сексуальная привлекательность ведм объяснялась их языческо-германским наследием. Здесь автор культа получил возможность комбинировать спекуляции о сексуально-магических ритуалах с расизмом и представлениями фёлькише о немецкой идеологии. Весьма показательно, что в своих рассуждениях Зебальдт постоянно отсылал читателя книги к работам польского писателя Станислава Пшибышеского «Дети сатаны», «Познание зла». Некоторые моменты в книге Зебальдта являлись «калькой» с этих работ.

В основе всей конструкции «сексуального культа» Зебальдта лежит теория о матриархате. При этом Зебальдт использовал не только классические теории (Бахофен), но и социалистические версии (Ф. Энгельс). Все эти мысли были слиты воедино, а затем трансформированы в стиле фёлькише, то есть были «приведены в соответствие» с расовыми теориями. Зебальдт провозгласил ведм реликтовыми «отголосками» первобытных женских мистерий, а точнее, «нордической мистерии, посвященной Матери-Земле». Якобы именно в этой мистерии древние кельты и древние германцы «во всем своем многообразии выразили тайну материнства». Несмотря на свою маргинальность, книга Зебальдта тем не менее является центральным документом, который позволяет лучше понять и постичь «материнскую идеологию», культивировавшуюся в фёлькише движении. Эта идеология всегда связывалась с биополитическими и расово-политическими концепциями, так как в ее рамках материнство трактовалось не как таковое, а исключительно как метафизическое продолжение рода. В данном случае «мать» выступала не в качестве матери неких детей, а как прародительница рода, создательница расы. А потому материнство в фёлькише идеологии ценилось только при условии производства на свет максимального количества здорового потомства. При этом «чистота материнства» должна была являться гарантом «чистоты расового организма». Зебальдт проецировал реконструируемый материнский культ древних германцев на идеи расовой гигиены, которые активно развивались в начале XX века. Это позволяло ему говорить о

«германских половых мифах», в которые было заложено «глубокое почтение к продолжению рода», что в свою очередь являлось «священным языческим восприятием процесса зачатия и рождения».

Афиша фильма «Путь к силе и красоте» (1925)

Полную противоположность (по Зебальдту) «почвенническим» материнским культам являло «фаллическое» иудео-христианство, которое было полностью лишено «почитания природы» и «обожествления тайны рождения». Зебальдт предположил, что по мере того, как христианство набирало силу, «материнские мистерии» вытеснялись на сервер, где их даже во времена Средневековья продолжали придерживаться «нордические германцы» и кельты. Он писал: «Только на Севере кельто-германские народы сохранили остатки этой веры, которая предполагает неискаженный взгляд на материнство и материнские мистерии». Далее следовало дословное воспроизведение идей Станислава Пшибышеского, которые были изложены им в работе «Познание зла». На основании этого Зебальдт приходил к выводу, что «почвеннический народ» продолжал чтить своих «богов Земли», в честь которых справлял «священные праздники». Шабаша ведьм трактовались им исключительно в рамках этих праздников, однако несколько иначе, чем это делал польский литератор. Зебальдт предпочитал видеть в них «германское священнодействие», которое являлось отзвуком некогда существовавшего германского матриархального культа размножения или сексуального культа. Он писал: «Средневековые празднества, проводимые на горках и холмах, являлись не чем иным, как отголосками истинно германской материнской мистерии и мистерии соития, что было протестом против метафизического, выходящего за рамки людского понимания патриархального христианства». Зебальдт предполагал, что превалирование женщин на шабашах было вызвано их (шабашей) «изначальной женской сутью». Позже находящаяся под мужским контролем христианская церковь «персонифицировала подавляемую женскую сексуальность» в фигуре дьявола. В итоге делался вывод о том, что церковь (в первую очередь католическая) решила унижить «языческую женщину», провозгласив ее «проклятой слугой нечистого», то есть приравнивание «гордых германских дев-прорицательниц» к злым ведьмам было символическим оскорблением. В данном случае шабаша ведьм стилизовались под акты протеста, которые позволяли себе языческие женщины. Это протест был направлен против «мужской» христианской мистики, а также был «актом мести ориентализму, который растоптал германскую суть народа».

Станислав Пшибышевский

Зебальдт полагал, что развивал своими построениями давнюю традицию «сексуально-магического антиклерикального сопротивления», которое началось с гностических сект поздней Античности, продолжено в Средневековье ересью катаров и шабашами ведьм. При этом он подчеркивал, что «наивные природные культы» сексуально-магического язычества со временем скатились до уровня ритуальных собраний, которые всего лишь маскировались под «мистику», а затем выродились в «восторженные оргии», которые были банальным развратом. В описаниях одержимых сексом женщин Зебальдт предпочитал опираться на описания, которые приводились у Станислава Пшибышевского. В рамках данной книги нас в первую очередь должна интересовать комбинация пресловутой сексуальной магии и расистских идей. Зебальдт провозглашал католических священников «вырожденцами» именно по причине того, что они были полной противоположностью ведьмам, которые проводили «половые мистерии соития». В этом тезисе приоритет должны были иметь не половые отношения как таковые, а исключительно германские сексуальные культы, которые как бы гарантировали расовое приумножение германцев. То есть Зебальдт высказывал мысль о том, что определяющей в ведьмах была их приверженность «естественной человеческой селекции», которую автор пятитомного «Генезиса» превозносил как будущую основу для

общества. Зебальдт заявлял, что «расовая селекция» была в состоянии не только решить все общественные проблемы, но и стать главным принципом «настоящего сексуального социализма». Исходя из этого посыла, он думал, что «только лишь этика древних германцев» была в состоянии «осуществлять мудрое руководство на уровне сбора человеческого урожая». В этом месте Зебальдт прибегал к метафоре, весьма популярной среди сторонников расовой гигиены. Он говорил о «садовнике», который осуществлял неприметную, но неустанную работу, «давая засохшим под властью фальшивых иллюзий ветвям германских племен вновь оказаться напитанными соками родной земли».

Обложка книги Виллибальда Хенчеля «Варуна. Исторические законы возвышения и заката жизни»

Несколько иначе, нежели расово-сексуальная утопия Зебальдта, выглядела теоретическая конструкция, построенная одним из идеологов фёлькише движения Виллибальдом Хенчелем (1858–1947). Если Зебальдт при формулировании своих идей заведомо использовал эзотерическое наследие многочисленных группировок, то для Хенчеля оно фактически не играло никакой роли. В нем сказывался специалист по естественным наукам. Будучи биологом и химиком, Хенчель предпочитал не обращаться к фёлькише мистицизму, а захотел сконцентрироваться исключительно на научных и практических аспектах расовой селекции. Хенчель был учеником натуралиста Эрнста Хекеля и одно время даже был его ассистентом. Если от Хекеля были почерпнуты идеи Дарвина, то окончательное формирование мировоззрения Хенчеля произошло на рубеже веков, когда он начал сотрудничать с целым рядом ультраправых организаций и даже поддерживал так называемый «партийный антисемитизм». Например, с одним из главных антисемитов Германии Теодором Фричем (1855–1933) его связывали не только деловые, но и дружеские отношения. Издаваемый Фричем журнал «Молот» использовался Хенчелем для распространения своих идей. Однако главные свои мысли он изложил не на страницах известного антисемитского журнала, а в объемистой книге. Она увидела свет в 1901 году и называлась «Варуна. Исторические законы возвышения и заката жизни». Впрочем, это не помешало Теодору Фричу провозгласить «Варуну» идеологическим фундаментом «Молота».

В своей работе Виллибальд Хенчель ни в коей мере не ограничивался проблемами расовой гигиены. Он писал «Варуну» (как уже следовало из названия) для того, чтобы объяснить закономерность истории, равно как и устройство мира. В своих теориях Хенчель исходил из пантеистического понимания «божественности мира». Поставив перед собой столь грандиозные задачи, автор «Варуны», желая того и нет, все-таки приблизился к эзотерике. Опираясь на распространенные в то время теории вырождения и дегенерации, Хенчель сосредоточил свое внимание на упадке культуры и расовом упадке, которые он полагал современными ему процессами. Он увязал это негативное направление в развитии с «закатывающейся жизнью», которая, по его мнению, и была причиной «вырождения». Хенчель представил «закатывающуюся жизнь» в качестве отличительной черты «враждебного жизни семитизма», который проявлялся не только в иудаизме, но и в христианстве. В «преодолении христианства» он видел «главную предпосылку для начала возвышающейся жизни». Как видим, речь шла о характерной для многих фёлькише смеси из антисемитизма и радикального неприятия христианства. Важным моментом в этой теории являлась мысль о том, что «закат» был обратимым процессом, а потому «закатывающейся жизни» был противопоставлен принцип «возвышающейся жизни». Здесь наука и научные аргументы превращаются в некую игру, в которой отчетливо прослеживался религиозный компонент, весьма напоминавший монизм. По словам Хенчеля, только наука могла «указать народам путь к спасению, так как она содействует очищению и продолжению человеческого рода через направленные позывы к размножению». В полном соответствии с этой мыслью он предлагал сформировать место для «чистых расовых семян», которое в книге именовалось «Миттгартом». В этом «человеческом саду» надлежало проводить целенаправленную «прополку», то есть осуществлять «устранение непригодных» (в книге это называлось словом «аусьятунг»). По мнению Хенчеля, только в этих условиях можно было «контролировать ненасытного молоха культурных процессов».

Эмблема ариософского издательства Эриха Маттеса (Лейпциг), которое в 1901 году издало «Варуну» Хенчеля

Селекционная утопия Хенчеля базировалась на принципе «превосходящей силы зачатия у мужчин по сравнению с женщинами». По этой причине расовый отбор должны были осуществлять исключительно мужчины. Но именно поэтому из Миттгарта надо было устранять лишних мужчин, проводить аусьятунг, извлекать их из процесса приумножения расы. Продолжение рода должно было восприниматься как «высшая привилегия». Принцип мужского доминирования отражался даже в идее создания специальных поселений Миттгарта, в которых на 100 мужчин должно было приходиться 1000 женщин. В основу нового общественного строя должна была быть положена полигамия (многоженство), единобрачие являлось скорее исключением, нежели правилом. Но даже у этой идеи была своя специфика – брак должен был продолжаться до тех пор, «пока женщина подходила для него». Подобного рода теории не могли не вызвать критику в фёлькише движении, где брак и институт семьи воспринимались едва ли не центральными моментами. Поскольку большинство фёлькише полагали, что прогресс и цивилизация как раз разрушали традиционную семью, то они весьма скептически отнеслись ко многим идеям Хенчеля.

В рамках нашего повествования «Варуне» Хенчеля можно было бы не уделять никакого внимания, если бы она не касалась «ведовской проблемы». В 1913 году Хенчель развил свои мысли в небольшой работе «Ночь Вальбурга³ и танцевальные горы». Именно эти сооружения, в первую очередь «скалы ведьм», по мнению Хенчеля, некогда имели огромное значение для индогерманских культов. Позже служительницы этих культов были провозглашены христианами ведьмами. Он писал: «Ожесточенная борьба, которая на протяжении веков велась против ведьм и волшебниц, позволяет предположить, что народ втайне все-таки сохранял верность старой вере. Праздник Вальбург был твердыней, в которой сохранялись древний образ мыслей и истинное благонравие. В нем крылась священная идея, которой следовал народ, осуществляя расовый отбор. Несмотря на все трудности и опасности, этот

---

³ Вариация названия Вальпургиевой ночи.

праздник продолжали отмечать». С опорой на романлично-мифологические представления о ведьмах Хенчель исходил из того, что для сельского населения эти «культовые места» продолжали играть большую роль вплоть до современности. Он утверждал, что во многих случаях старые обряды были «замаскированы» под ритуальные праздники «богослужебного вида». Однако Хенчеля меньше всего интересовали мистические традиции германских крестьян, он видел в этих действиях мероприятия, которые относились к сфере расовой селекции. По его мнению, праздник Вальбург был когда-то специально предназначен для того, чтобы содействовать «созданию условий для плодородия женщин». В итоге он должен был трактоваться как полигамная массовая свадьба, которая должна была приводить к половым сношениям. При изображении древних германских культов Хенчель не смог избежать неких спекулятивных ноток, относящихся к так называемой «сексуальной магии». Однако он лишил все эти культы их мистических черт, сведя их к «трезвому» изображению мероприятий по осуществлению расовой евгеники. Именно в этом духе он описывал якобы существовавшие приемы расовой селекции, которые использовались древними германцами, «избиравшими для продолжения рода только самых достойных».

Изображение германской жрицы

Руководствуясь этой идеей, Хенчель показывал читателю «богиню Вальбург», которая почиталась как «предсказательница и пророчица», но на самом деле являлась покровительницей германской расовой селекции. Знания этой «предсказательницы» о «священных местах», о тайнах бытия, о смерти, о зачатии детей и об увеличении рождаемости были «на самом деле» предназначены для осуществления расовых мероприятий. Отбор в данном случае осуществлялся «верховными жрицами». В итоге «ведовская религия» представляла нечто вроде древней расологии – священного знания о природе расового отбора, который должен был вести к приумножению «богоподобной» арийской расы господ.

Хенчель полагал, что при христианизации Европы католики использовали все средства, чтобы подавить эту «народную память». В итоге преследование ведьм оказалось борь-

бой против жриц «богини Вальбург». Поскольку эти жрицы (ведьмы) являлись хранительницами традиций здорового размножения, то католики «вели борьбу против самой жизни». Для Хенчеля процессы по делам ведьм являлись парадигматическим выражением «семитизма», который якобы нашел свое полное выражение в христианстве. Он писал: «Когда церковь усердно боролась против богини Вальбург, когда запрещался праздник Вальбург, в котором находили свое выражение воля к жизни и священный порядок вещей, когда ведьм клеймили как порождение дьявола, когда за память о прошлом грозили костром, то борьба шла не просто против древних обычаев, а против правильного уклада жизни». В заключение Хенчель описывал процесс длительного упадка культов плодородия, что было вызвано христианским влиянием. Однако, по мнению Хенчеля, в народной жизни остались некоторые «рудименты старых культов», которые проявлялись в «танцах ведьм на Вальпургиеву ночь». Он писал: «Эта богиня Вальбург продолжала жить в воображении народа. Она оказалась перемещенной в сказочные леса. Женщины, которые встречались там, могут называться ею. Они могут предстать в виде ведьм или валькирий, жить в подземельях и в пещерах или же купаться в потоках жизни. Они хранительницы брака, которые живут между мирами. По этой причине они прядут нить судьбы, которая протягивается между колыбелью и могилой. Они хранят в себе черты богини плодородия и богини смерти».

Подводя итоги, Хенчель в своей работе настаивал на том, чтобы немцы вновь осознали индогерманские обычаи, а также «вернули себе жизненные силы через расовый отбор». В этих выводах кроется связь между сутью германских ведьм и проектом по созданию специальных поселений. Желая применить свои идеи на практике, Хенчель в 1906 году создал собственную организацию, которая носила название Союз «Миттгарт». Однако он не смог собрать достаточного количества средств и сторонников, чтобы приступить к реализации проекта по созданию специальных поселений. Несмотря на это, идеи Хенчеля оказали большое влияние на некоторых из представителей фёлькише движения. Речь идет не только о «реформаторе жизни» Рихарде Унгевицере. Дело в том, что именно после Хенчеля в националистических кругах стали постоянно возникать идеи о создании «идеальных поселений». Можно даже говорить о том, что косвенно Хенчель оказал влияние на национал-социалистов. Именно «Варуна» и другие работы дали толчок к возникновению националистической молодежной организации «Артаманы», в которую в свое время входили многие видные деятели национал-социалистической партии. Среди таковых можно назвать Генриха Гиммлера, чьи расовые и селекционные идеи фактически повторяли мысли, изложенные в книгах Хенчеля. К числу «Артаманов» принадлежал Рихард Вальтер Дарре, сформулировавший теорию «крови и почвы», а также комендант лагеря смерти Освенцим Рудольф Хёсс. В рядах «Артаманов» числился и Вольфрам Зиверс, который стал организационным руководителем «Наследия предков» («Аненэрбэ»).

Сожаление о преследовании ведьм, которое высказывали Вахлер, Зебальдт и Хенчель, однозначно указывают, что образ ведьмы в фёлькише движении и движении «всеобщего преобразования жизни» явно был связан с традициями романтического национализма XIX века. В то же самое время попытки создания новой, «германской» религии были неразрывно связаны с попытками постижения сути ведовства. В итоге ведьма стала для фёлькише покровительницей естественной жизни, хранительницей расовых традиций, помощницей в увеличении рода, то есть метафизической «матерью расы». Вне зависимости от того, был ли образ ведьмы связан с оккультными спекуляциями (как у Зебальдта) или же с внешне научными построениями (как у Хенчеля), его отличительными чертами становились: во-первых, причастность к идеям расовой селекции, во-вторых, примыкание к попыткам формирования «германской религиозности», которые неоднократно предпринимались в среде фёлькише движения.

Глава 2. Ариософская эзотерика

На рубеже столетий на территории Австрии возникла так называемая ариософия, религиозно-политическое направление, которое стало связующим звеном между эзотерикой, теософией и фёлькише движением. Значение ариософии было predeterminedено не количеством её активных последователей, которое было не так уж велико (большинство из них входило в небольшие группировки, которые весьма напоминали секты), а в высшей степени синкретической идеологией. Ариософия, что означало «арийская мудрость», представляла собой специфическую смесь из фёлькише национализма, расизма и некоторых вкраплений современной тому времени эзотерики. Во многом ариософия напоминала теософию, однако различие состояло в том, что вместо апеллирования к неевропейским традициям (прежде всего индуистским и буддистским, что было весьма характерно для теософии), последователи ариософии делали ставку на европейскую, прежде всего германскую мифологию. Одной из причин появления на свет ариософии является то обстоятельство, что многие идеологи фёлькише движения использовали для своих мистико-расовых спекуляций элементы эзотерических космологий. Наиболее ярко это проявлялось в той части фёлькише движения, где планировалось создать («воссоздать») германские культы и сугубо немецкую религию. Теософия представляла некую привлекательность для фёлькише движения, так как Елена Блаватская положила в основу своей книги «Тайная доктрина» именно специфические расовые теории. После этого теософия пыталась трактовать историю (не только человечества, но и мира в целом), только исходя из расового принципа. Эти представления оказались заложенными в базу двух европейских «детищ» теософии. С одной стороны – в националистическую ариософию, с другой стороны – антропософию Рудольфа Штейнера.

Необходимо также упомянуть о том, что в некоторых группировках фёлькише движения придавалось большое значение распространенным в оккультных кругах интуитивным и паранормальным техникам, которые должны были позволить получать доступ к потаенным знаниям. В ариософии эти приемы использовались, судя по всему, для того, чтобы обеспечить контакт с миром германских предков. Подобные идеи базировались на представлении о том, что воспоминания о прошлом могли передаваться по наследству, как отдельным людям, так и коллективно. Согласно этой установке в ариософских союзах пытались связаться с прошлым при помощи развития так называемой «наследственной памяти». В данном случае можно вспомнить не только «придворного мага» Генриха Гиммлера – Карла Марию Вилигута, который в СС был более известен под ритуальным именем Вайстор, но и о более поздних попытках. Вне всякого сомнения, эта техника весьма напоминала практику спиритических сеансов или «активное воображение» Карла Густава Юнга. Как в случае с фёлькише движением, так и в случае с ариософией ни в коем случае нельзя вести речь о единообразном, унифицированном мировоззрении. Между отдельными направлениями в ариософии, равно как и между отдельными теоретиками этого направления, имелись значительные различия. Как уже говорилось выше, попытки комбинирования политических идей с эзотерическими доктринами предпринимались и в некоторых секторах фёлькише движения. Это затрудняет возможность провести четкие границы между фёлькише группировками и ариософскими группами. В некоторых случаях эти два направления были тесно переплетены между собой внутри одной и той же организации. В рамках данной книги нас в первую очередь должна интересовать не ариософия во всем ее многообразии, а исключительно подход к проблеме ведьм.

Гвидо фон Лист

Несомненно, ключевой фигурой в ранней ариософии являлся Гвидо фон Лист (1848–1919). Он занимался анализом и воспроизведением арийского и германского язычества, в результате чего «породил» на свет такую этническую группу, как арио-германцы. Именно Гвидо фон Листа можно считать пионером в скрещивании германской идеологии и эзотерики. В своих многочисленных фантазиях он уделял немало внимания «тайным знаниям древних германцев», на базе которых планировал воссоздать «арио-германскую религию». В религиозном проекте фон Листа принципиальным моментом было наращивание общедоступных (экзотерических) сведений на конструкцию тайной (эзотерической) доктрины. Опираясь на многочисленные мифы и легенды, он разработал так называемый вотанизм. Это учение было открытым, в то время как существовало и «тайное учение», которое обозначалось понятием арманизм. В своей модели фон Лист характеризовал экзотерический

вотанизм как «религиозную систему». В то же самое время эзотерический арманизм должен был обосновывать принципы «религиозной системы», то есть вотанизма. Как видим, в религиозной схеме Гвидо фон Листа имелись четкие границы: вотанизм предназначался для широких масс, в то время как арманизм был уделом посвященных. Подобное религиозное деление, по мнению фон Листа, некогда отвечало социальной структуре древнего германского общества. Вотанизм проповедовался среди крестьян, был древней крестьянской религией, а арманизм – тайным учением древних жрецов (арманов), которое было сокрыто от глаз «посторонних».

По мнению фон Листа, арманы обладали не только тайными знаниями, но и священной силой. Обретение силы и знаний происходило в специальных культовых местах, так называемых «хальгадомах» (хальга-соборах). В полном соответствии с романтическими представлениями XIX века эти «соборы» были не какими-то строениями, а природными местами. По мнению фон Листа, арманы обладали глубочайшими знаниями о естественных законах природы, вечном бытии и исчезновении, то есть опирались на принцип цикличности событий и всей жизни. Однако это были не научные знания, так как они были не просто тайными, но и обретались через «пробуждение и подчинение мистических сил природы и человека». Подобно тому как Зебальдт комбинировал эзотерику и различные вариации расизма, так и Гвидо фон Лист был убежден в том, что эти силы пробуждались с целью «планомерного создания расы благородных людей», «которые при соблюдении строгих сексуальных законов должны были стать основой для чистой арийской расы». Позже эта мысль прозвучит не раз в многочисленных религиозных моделях, созданных в фёлькише движении. Во многих случаях провозглашалось самообожествление человека, так как в качестве конечной цели мистического расизма выступало «создание богоподобного человечества, которое было в состоянии закончить божественный замысел на Земле». То есть конечным «продуктом» некоторых ариософских и фёлькише проектов, в первую очередь связанных с религиозным и культовым конструированием, должен был стать «арио-германский богочеловек».

Обложка книги Гвидо фон Листа «Рита арио-германцев»

В основе построений Гвидо фон Листа лежала достаточно тривиальная историческая модель упадка народа, которая была применена к арио-германцам. Согласно ему, «золотой век» арио-германцев, характеризовавшийся процветанием высоко развитой цивилизации, сменился несколькими этапами упадка, вызванного расовым смешением. Окончательный закат германской культуры произошел во времена Карла Великого, уничтожившего аристократию саксов и начавшего активную христианизацию Германии. Поначалу «старая вера» могла существовать как периферийное явление, однако после окончательной победы христианства она была провозглашена подлежащим искоренению суеверием. Пытаясь в характерной для немецких романтиков манере отыскать следы «старой веры», Гвидо фон Лист описывал, как христианская церковь для окончательного изжития вотанизма слила старые

обряды с собственными богослужениями. В отличие от вотанизма арманизм смог избежать подобной участи. Арманы создали тайный союз, полностью скрыв свое учение от людей. Именно создание сети тайных союзов позволило им сохранить в тайне свое учение о расе и блюсти традиции. Внимание фон Листа в первую очередь привлекли так называемые «братства каландра»⁴ – издавна считалось, что ткачи обладали некими тайными знаниями. Однако фон Лист не отказывал в древних языческих знаниях и другим тайным обществам: гностицистическим сектам, масонам и розенкрейцерам. Хотя он придерживался мнения, что все они получили свои знания именно от «братств каландра». В итоге эти братства стали подвергаться преследованию со стороны католической церкви, а потому арманистские традиции были сохранены лишь в недрах небольших европейских тайных обществ.

Преследование ведьм для Гвидо фон Листа происходило в «те самые ужасные времена истории, когда культурному развитию человечества не было предложено ничего взамен». Подобно многим эзотерическим интерпретаторам, фон Лист превратил ведьм в носителей тайного знания, в качестве которого в данном случае выступал арманизм. Именно арманизм в лице ведьм фанатично преследовала «римско-франкская иерархия», прибегая к «пыткам, топору палача, кострам инквизиции». Преподнося образ ведьмы, Гвидо фон Лист не был слишком оригинальным. В романтической традиции он противопоставлял «германскому почтению к женщине» «женоненавистничество церкви, которая вообще весьма негативно относилась к жизни». Именно в этом духе он интерпретировал гонения на ведьм, изображая его как часть конфронтации между «аскетическо-восточным христианством» и германцами, которые не оставляли «надежды вернуть немецким женщинам их священную функцию». При этом особая роль женщины относилась преимущественно к ее антропологически детерминированной религиозной функции. Гвидо фон Лист приписывал германским женщинам обладание специфической мистической силой, которую можно было обнаружить даже в современное ему время.

Он писал: «Старики были совершенно правы, когда находили в женщинах следы божественности. Это было не что иное, как изначальная божественность, которую мы можем обнаружить – и обнаруживаем! – даже сейчас в наших женщинах. Это божественное качество мы можем описать как искренность». Именно эта божественность у Гвидо фон Листа выступала в качестве объекта церковных преследований. По его мнению, при помощи процессов над ведьмами церковь нанесла «мощный удар по мистической сущности германских женщин». Ведьмы в книгах фон Листа предстают как жрицы священного культа, которые собирались когда-то для его отправления под руководством арманов. Однако эти собрания ведьм фон Лист никогда не изображал как сугубо женское мероприятие. Шабаша якобы всегда происходили при условии наличия мужчины-армана, который должен был переодеться Вотаном. Именно явление «Вотана» нагоняло страх на христиан, которые объявили древнее германское божество демоном. Именно «Вотану» отводилась центральная роль на собраниях ведьм, которые опять трактовались как составная часть «арио-германской сексуальной религии». Подобно Зебальдту и Хенчелю, Гвидо фон Лист делал акцент на размножении арио-германской расы. Таким образом, в работах фон Листа ведьма представала в качестве прародительницы расы, а преследование ведьм становилось частью церковного замысла по уничтожению «арио-германского богочеловека».

Когда фон Лист говорил об арийском божестве, которое было отражено в эзотерическом ведовстве, то прежде всего подразумевал возможность «непосредственного контакта с божеством», то есть знания арио-германцев о своей причастности к высшим силам. Он писал по этому поводу: «Мистический смысл танцев ведьм, равно как и аналогичных священных обрядов, состоял в том, чтобы завершить тайное преобразование человека, который

⁴ Приспособление для формования ткани.

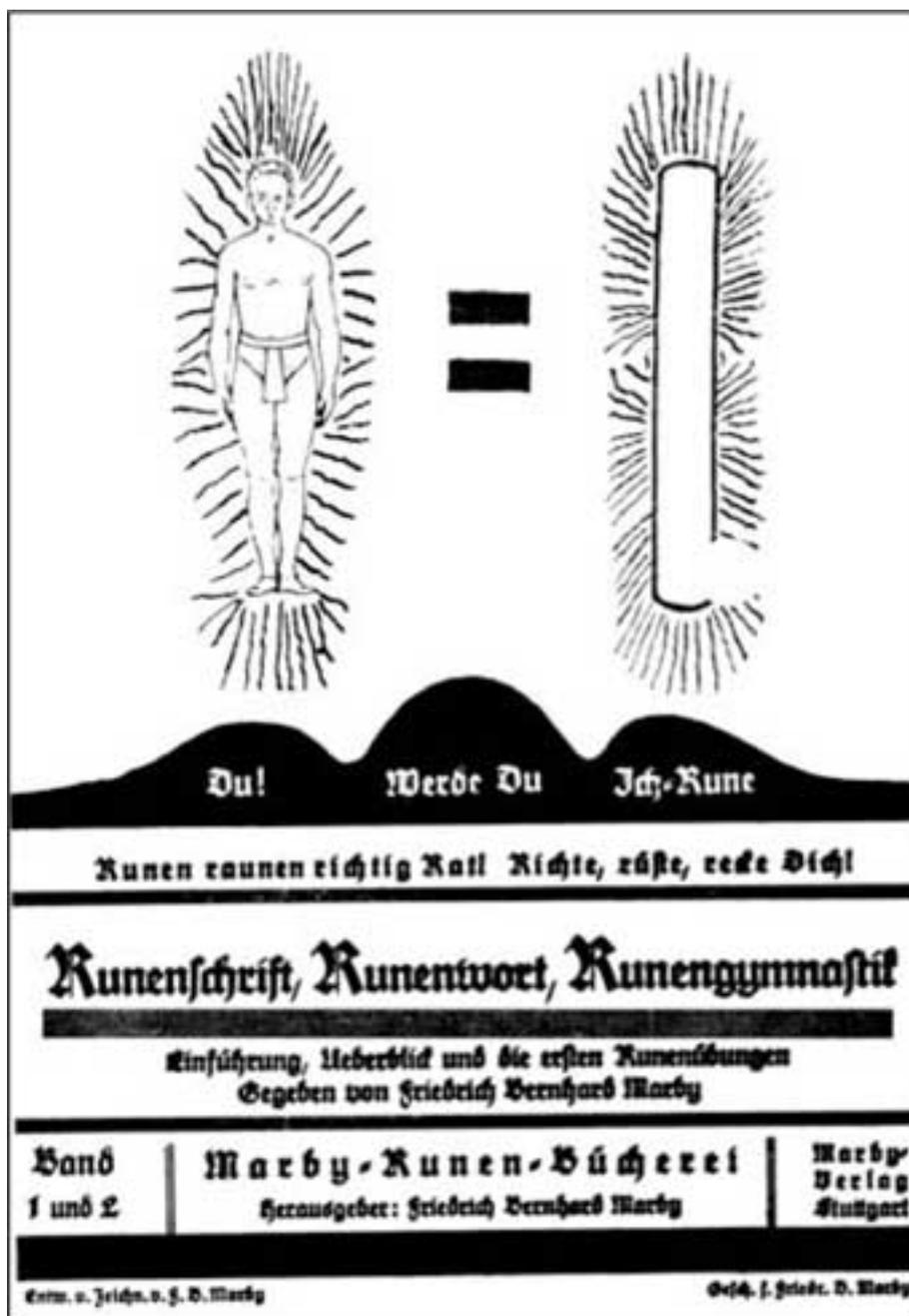
уже в земной жизни был связан с божеством, а после смерти без какого-либо очищения принимался в сонм светлых духов».

В своих книгах Гвидо фон Лист также описывал упадок ведовства, которое под давлением церкви утратило какую-либо связь с тайным учением, арманизмом. В итоге шабашки ведьм сначала стали формальными собраниями, а затем скатились до уровня извращенных оргий, в которых не осталось и следа от культов плодородия, а был лишь только сексуальный хаос. Гвидо фон Лист приходил к выводу: «Вследствие этого учение оказалось утраченным для народных масс, однако обычаи сохранились. Впрочем, лишившись мистической составляющей, они превратились в вакханалию. Прежний сексуальный культ, целью которого было осознанное возвращение благородной расы, был разрушен. Его внешние формы были искажены до уровня извращенности, что говорило о самом низком моральном уровне участников поздних шабашек». Разделение внешней, экзотерической религиозности (вотанизма) и тайной, экзотерической доктрины (арманизма) позволяло Гвидо фон Листу объяснять, почему в его религиозном проекте речь шла не о простой реанимации древнегерманского наследия. Для него в первую очередь было важным осуществить расовую селекцию, то есть стремиться к появлению «арио-германского богочеловека», который еще при жизни мог бы освободиться от всего «земного». Наличие арманизма как тайного учения также позволяло фон Листу высказать мысль о вырождении ведовства, что избавляло его от необходимости провозглашать намерение о возобновлении шабашек. Занимаясь поисками «ядра» арманизма, он мог всегда найти простое объяснение для многих вещей, которое заключалось во фразе: «Формы умирают, вечным является только свет».

Возникнув на территории Австрии, ариософия достаточно быстро обрела сторонников в Германии. Одним из активнейших распространителей ариософских идей в кайзеровской империи был журналист Филипп Штауфф (1876–1923). В 1911 году он опубликовал статью «О ведьмах», в которой в основных чертах повторил идеи, которые были некоторое время назад высказаны в Вене. В своей статье он описывал ведьм как народных целительниц и прорицательниц, которые обладали тайными знаниями и «свойственными им от природы способностями», чем они навлекли на себя ненависть церкви. В характерной для многих ариософов манере Филипп Штауфф пытался обнаружить следы этих «тайных знаний» в германских мифах, сагах, легендах и сказках. Подобно Гвидо фон Листу, он пытался изобразить ведьм как носительниц арио-германской мудрости. Адаптировав к требованиям ариософии теорию сказок, которая была весьма популярна среди немецких романтиков XIX века, Филипп Штауфф выдвинул теорию, что сказки были отголоском некогда имевшейся «духовной и природной силы германского народа». Развивая свои идеи, в 1914 году Штауфф опубликовал собственную интерпретацию немецких сказок, в которой дал волю своим фантазиям. Это была очередная попытка самообожествления германцев. В рамках этой работы Штауфф описывал человеческую душу как «древний голос бога», который мог позволить германцу «идти по пути полного превращения в богочеловека». Ведьмы представляли как «великие германские пророчицы», которые преследовались христианами. Кроме этого Штауфф обращал внимание на появляющуюся в некоторых немецких сказках фигуру «прародительницы», которая находилась по ту сторону жизни и смерти, как бы регулируя процессы бытия и небытия. По мнению Штауффа, эта «прародительница» представляла в виде ведьмы из сказки «Гензель и Гретель». В данном случае он несколько трансформирует идею братьев Гримм, высказывая предположение, что Хёлле (матушка Хольда) была сознательно дискредитирована христианами, когда ее царство было превращено в хель, то есть преисподнюю.

Нельзя не отметить, что в интерпретации сказок, предпринятой Филиппом Штауффом, отчетливо прослеживались антисемитские вкрапления. Он говорил, что в немецких сказках сообщалось не только о «белой магии», которой придерживались германские пророчицы-ведьмы, но и о «черной магии», которая являлась уделом злых магов и колдунов.

Именно они являлись настоящими отрицательными героями сказок, предпринимавшими неоднократные попытки завладеть душами главным героев. Штауфф предполагал, что за «фигурой злого колдуна скрывался еврей, который смог овладеть магией, но использовал ее как средство для личного обогащения», на «протяжении многих веков совершая обман». По мнению германского ариософа, сказки давали подсказку, как можно было избавиться от «еврейского колдуна». «Преодолеть злое колдовство можно было только при помощи священного ведовства».

Обложка одного из изданий, посвященных «рунической гимнастике» Фридриха Вильгельма Марби

Для Штауффа и многих других фелькише, которые считали себя «посвященными в тайные науки», наследие Гвидо фон Листа было ценным не в последнюю очередь из-за его мистического истолкования рунической письменности. В данном случае необходимо упомя-

нуть написанную в 1908 году фон Листом работу «Тайна рун». К числу продолжателей рунических исследований фон Листа принадлежал и немецкий мистик Рудольф Джон Горслебен (1883–1930), который являлся не только переводчиком скандинавских саг, но и создателем «Общества Эдды». Именно он во многом обогатил фёлькише мистику новыми теориями, которые во многом дополняли построения Гвидо фон Листа. Его представления, выраженные тезисом о «единстве бога и расы», были изложены в 1939 году в объемном произведении, которое называлось «Расцвет человечества» («Апогей человечества»). В этой книге можно найти рассуждения о сути ведовства, в которых чувствовалось влияние идей Гвидо фон Листа. Горслебен считал, что на протяжении столетий тайные гностические знания, против которых яростно выступала Римская церковь, транспонировались на многочисленные мистические группы и ордена. Горслебен утверждал, что церковь и контролируемые ею светские власти со времен Карла Великого «уничтожили девять с половиной миллионов человек», которые были провозглашены «ведьмами и еретиками». Поскольку эта борьба была направлена против «мистических способностей нордической расы», то автор «Расцвета человечества» утверждал, что «наши прорицательницы и предсказатели преследовались, так как они обладали знанием о силе рун». Кроме этого, преследование ведьм должно было положить конец «процессу отбора семян чистой расы». То есть Горслебен увязывал воедино ведовство и расовый отбор, якобы проводившийся среди германцев.

Если же говорить о мистическом понимании рун, которое было во многом присуще фёлькише движению, то оно ни в коем случае не ограничивалось далеким прошлым. Рунам приписывалась возможность влияния на физические процессы, в частности связанные с человеческим телом, а потому в отдельных случаях руническая мистика могла комбинироваться с получившей религиозную окраску физкультурой. Некоторые из германских ариософов пытались получить доступ к знаниям о том, как руны могли влиять на человеческое тело. В итоге на свет появились различные проекты, которые были названы либо «рунической гимнастикой», либо «рунической йогой». В этих теориях рунам приписывалось лечебное значение, точнее говоря, руны в силу их мистической силы могли в том числе оказывать оздоровительное влияние на тело человека.

Обложка книги Зигфрида Адольфа Куммера «Священная власть рун»

Двумя центральными фигурами в деле разработки «рунической гимнастики» в 20-е годы XX века являлись Фридрих Вильгельм Марби (1882–1966) и Зигфрид Адольф Куммер (1899–1977). Несмотря на то что оба входили в фёлькише движение, их нельзя рассматривать как друзей, а скорее как конкурентов. Куммер, опираясь на теории Гвидо фон Листа и Горслебена, издал в 1932 году книгу «Священная власть рун. Возрождение арманизма через рунические упражнения и танцы». По мнению автора, рунические упражнения должны были укрепить «расовые чувства, в первую очередь ощущение расы». Это должно было в свою очередь вернуть практикующим подобную гимнастику знания далеких эпох, когда «каждый германец благодаря высшим арийским священнослужителям, к числу которых также принадлежали позже преследуемые ведьмы, мог быть посвящен в мистерию рун». И опять повторялся традиционный для фёлькише движения тезис о том, что на протяжении веков христианская церковь преследовала хранителей «тайны рун», которых «сжигали на кострах как чародеев и ведьм». Куммер особое значение придавал руне «Хаг-алл» (хагал), так как, по его мнению, именно эта руна позволяла ведьмам как «германским священным советчицам» через специальные практики обретать их «магические трансцендентные способности». При этом Куммер излагал и некоторую часть традиционных мифических представлений о ведь-

мах, например, что они использовали «во время новолуния корень мандрагоры», который использовался в качестве трансового средства («средства гипнотизирования»). Пребывая в священном трансе, ведьмы якобы были в состоянии предсказывать будущее и совершать «чудеса». При этом Куммер, подобно братьям Гримм, был убежден, что германские прорицательницы нередко совершали обряд сейдр⁵.

Зигфрид Адольф Куммер

Изучая подобный контекст интерпретации сути ведовства, необходимо указать на фигуру входившего в фёлькише движение «рунического йога» и астролога Эрнста Иссбернера-Хальдене (1886–1966), который входил в ариософский кружок, сложившийся вокруг издателя Герберта Райхштайна. Кроме астрологии и «рунической йоги» Иссбернер-Хальдене занимался разработкой так называемой «научной хиромантии». Однако в рамках данной книги для нас в первую очередь представляет интерес та часть его изысканий, в которой он говорил об «идеальной религиозности на арийско-героической основе». Эти идеи были впервые высказаны им в начале 20-х годов XX века. Не будучи слишком оригинальным, Иссбернер-Хальдене исходил в своей теории из того, что некогда существовала правящая каста древних арийских жрецов (священников), частью которой являлись пророчицы. Именно этих пророчиц христианская церковь преследовала под видом ведьм во времена Средневековья. Он писал по этому поводу: «Несчастливые девушки, лишённые света, любви

---

⁵ Сейдр (*герм.*) – древнегерманская практика магов витки, родственная шаманизму и подразумевающая трансовые состояния и путешествия по различным сферам реальности, входящим в структуру мирового дерева Иггдрасиля. Практика сейдр противоположна по технике гальдору и часто связана с сексуальными приемами. Этому виду магии Фрейя обучила Одина. Это магический путь тела (в отличие от пути сознания), не имеющий ничего общего с рунами. Сейдр является магической техникой изменения мира (внешнего и внутреннего) согласно воле мага. В сейдре широко используются такие средства, как травы, мази и настойки.

и молодости, как монахини оказались заточенными в монастырях. Христианство истязало Европу. Сотнями горели костры, а невинные жертвы истязались на дыбах. На Европу опустилась непроглядная мгла. Церковь могла торжествовать!» Однако, несмотря на преследования со стороны церкви, знания ведьм (в том числе хиромантия) не были полностью утраченными, но оказались во владении цыган. В этом месте Иссбернер-Хальдене соединил традицию «ведовской литературы» XIX века с антицыганскими настроениями, которые были сильны в некоторых странах Юго-Восточной Европы. Он утверждал, что цыгане были «шарлатанами», «паразитами» и «прирожденными преступниками», которые в силу своей природы не могли постигнуть истинное значение «тайных наук», которыми они злоупотребляли для собственных целей.

В конце 20-х годов Эрнст Иссбернер-Хальдене вступил в «Орден новых тамплиеров», созданный Йоргом Ланцем фон Либенфельсом (1874–1954), который может считаться второй (после Гвидо фон Листа) ключевой фигурой в ариософии. В отличие от Листа бывший монах-цистерцианец Ланц определял ариософию как «благородную расово-культурную религию», которая воплотилась в форме изначально арийского христианства. Хотя бы в силу этого он положительно относился к католицизму и орденскому устройству отдельных организаций. Характерным для мистических конструкций Ланца является комбинирование элиминаторного расизма и антисемитизма с женоненавистническими властными и сексуальными фантазиями. Некоторые послевоенные исследователи поспешно провозгласили подобную смесь «психопатической», хотя историки должны были бы воздерживаться от подобного рода «вердиктов». Впрочем, факт остается фактом – Либенфельс не раз прибегал к популярным в фелькише среде сексуально-магическим спекуляциям, которые были положены в основу программного произведения, которое было издано в 1905 году под названием «Теозология». В этой работе утверждалось, что первоначальные «божественные существа» (арийцы) стали смешиваться с животными. От этой связи на свет появились «недолюди» – «чандалы», под которыми Либенфельс подразумевал все темнокожие расы. Вина за это расовое «грехопадение» была возложена на женщину, которая «в самом минимальном размере соответствовала арийской сущности, присущей мужчинам», а потому и решилась на контакты с животными.

Картина, изображающая «королеву Асгарда»

Построенное Ланцем фон Либенфельсом расистское и гностическое «арийское христианство» было дуалистическим, а потому весьма жестким. Он писал в одной из работ: «Сегодня чандалы исказили и подчинили себе истинное христианство, главной целью которого являлось очищение человеческой расы от паразитов, получивших демоническую возможность использовать сексуальность женщин высшей расы». Подобного рода построения оказались положены в основу работ одного из ближайших сподвижников Либенфельса, Теодора Чепля, который в 1931 году опубликовал брошюру, посвященную культуре «арийской Богоматери». В этой книге одна из глав была посвящена как раз проблеме преследования ведьм. По большому счету Теодор Чепль вторил многочисленным авторам из фёлькише движения, когда утверждал, что «культ Богоматери» («материнский культ») имел своей истинной целью «формирование богочеловечества», для чего должно была использоваться расовая селекция. Чепль видел причины искоренения данного культа в том, что в «арийское христианство» стало примешиваться «восточное иудейство», что не могло не вызвать сопротивления и протестов. Борьбы между «арийцами» и «иудеями» в рамках христианства достигла своего пика как раз в тот момент, когда представители «низших рас» и евреев инициировали преследование ведьм, которое превратилось в многочисленные процессы: «Сжигались бесчисленные матери племен героической расы вместе со своим нерожденным

потомством белокурых сынов асов. Под крики потерявшей человеческий облик черни живодеры тащили их к месту расправы. Разведенные костры поглощали светловолосых девушек, освобождая их дух от бесчеловечных страданий. Это были самые страшные истязания, которые только можно было причинить. Никакие животные не обращались столь жестоко, как обходились недочеловеки, чандалы с арийской расой». Подобно Гвидо фон Листу Теодор Чепль полагал, что «мудрые германские женщины» обладали вполне конкретными магическими способностями. Чепль считал, что они являлись «превосходными расовыми посредницами», «арийскими прародительницами», которые обладали «знаниями Первой Матери». Как и во многих фёлькише доктринах, Чепль сосредотачивал свое внимание на расовой селекции. Он писал: «Эти мудрые женщины именовались хагадизами, что было превращено в современное слово “хексен”, ведьма. Они обладали глубокими знаниями не только о первоисточниках жизни в целом, но и о выращивании и сохранении арийского человечества в частности. Силы арийской расы могли быть подорваны только в том случае, если бы удалось уничтожить “знания Первой Матери”. Проникшие в церковь палачи и приспешники синагоги тотчас взялись за это дело, прибегнув во имя достижения цели к воистине дьявольским средствам».

Свою работу Теодор Чепль заканчивал описанием методов истязаний, которые применялись во времена процессов над ведьмами. При этом отдельное внимание уделялось тому, что «недочеловеческие демоны» (то есть преследователи ведьм) особую изощренность применяли к детородным органам. В интерпретации Теодора Чепля подобные попытки были одной из составной частей «темной сексуальной магии», которую якобы практиковали евреи. В данном случае трактовка средневековых событий как осквернение «арийских расовых родительниц» полностью соответствовала выводам, к которым в своих доктринах пришел Ланц фон Либенфельс. Преследование ведьм для членов «Ордена новых тамплиеров» становилось чем-то вроде одного из театров боевых действий в расовой войне между «арийскими богочеловеками» и «еврейскими недолюдьми». Залогом победы в этой войне должна была стать «истинная религиозность». «В духовном плане некогда уничтоженные женщины со “знаниями Первой Матери” должны помочь в борьбе против воплотившихся демонов, которые сегодня в политике и финансах господствуют над арийцами». Чтобы избежать повторной угрозы, братья «Ордена новых тамплиеров» призывали различать «арийскую белую магию» и «черную сексуальную магию», что должно было «удержать наших женщин от попадания в лапы половых преступников».

Как видим, в ариософии, равно как и в фёлькише эзотерике, во многом традиционные антиклерикальные, романтические представления о ведьмах были скрещены с мистическими и оккультными идеями, а затем адаптированы для распространения в качестве одной из разновидностей расовой идеи. Почти во всех случаях попытки представителей фёлькише движения показать «настоящий» образ ведьмы шли от романтических представлений XIX века к прославлению идей расовой селекции, которые становились весьма популярными как в Европе, так и других странах в начале XX века.

Глава 3. Нордические теоретики и нордический феминизм

Авторы приведенных выше трактовок сути ведовства в стиле фёлькише принципиально придерживались романтической версии образа ведьмы, а потому их выводы совпадали в части того, что претендовали на обоснование германской религиозности. Надо отметить, что подобного рода религиозно-идеологические конструкции находили понимание отнюдь не у всех представителей фёлькише движения. Более того, подобный подход был отнюдь не единственной возможностью использования ведовской тематики среди фёлькише. Против ариософской эзотерики и сексуально-магических спекуляций выступали не только представители фёлькише движения, которые продолжали придерживаться христианства, но также сторонники «новых» немецких культов, которые намеревались очистить германскую религиозность от всевозможных проявлений оккультизма, суеверий, а потому они никак не могли смириться с предложенным образом ведьмы. Многие из этих авторов, несмотря на однозначную религиозную ориентированность, тем не менее придерживались достаточно рационалистичных интерпретаций. В данном случае изучение ведовства было связано с так называемой «нордической идеей», у которой было множество сторонников в фёлькише движении. Основная мысль этого направления в фёлькише движении сводилась к тому, что провозглашалась «высшая ценность» «нордической расы», представителями которой являлись отнюдь не все немцы и германцы. При этом предполагаемое превосходство «нордической расы» обнаруживалось не только в биологических и антропологических критериях, но даже в культуре. В рамках данной теории северные народы объявлялись «создателями истинной культуры». Если говорить об антропологическом направлении «нордической мысли», то его ярчайшими представителями являлись Ганс Гюнтер (1891–1968), ставший при национал-социалистах одним из ведущих специалистов по расоведению, а также Людвиг Фердинанд Клаус (1892–1974). Однако в рамках данной книги нас должны в первую очередь интересовать представители «духовного направления», к которым можно отнести Германа Вирта (1885–1981) и Бернхарда Куммера (1897–1962).

Бернхард Куммер⁶ с 20-х годов XX века являлся одним из важнейших авторов в Издательстве Адольфа Кляйна (Лейпциг), которое предпринимало активные меры по распространению «нордических идей» в среде фёлькише движения. В отличие от многих авторов из фёлькише среды Бернхард Куммер был очень образованным человеком и профессиональным историком. Он имел ученую степень по германистике, а также в качестве специалиста по скандинавской мифологии занимался изучением дохристианских культов, существовавших на территории Северной Европы. Именно эти изыскания были положены в основу многочисленных работ и статей Кум-мера. В изображении германцев он придерживался традиционных для XIX века взглядов. Он давал на страницах своих книг образ нетронутого пороками мира, мирного и естественного уклада жизни нордических германцев, который был обусловлен традициями, обычаями, понятиями о чести и добродетели. В этом нордическом мире служение общественным идеалам не воспринималось как тяжкое исполнение долга, но базировалось на принципе «внутренней свободы». Если принимать во внимание изображение этих мнимых качеств нордических германцев вместе с радикальным неприятием католических догм и законов Моисея, то станет ясно, что формирование идей Куммера происходило в протестантской среде Пруссии.

---

⁶ Не путать с одним из создателей «рунической гимнастики» Зигфридом Адольфом Куммером.

Если говорить о содержании книг Бернхарда Куммера, то большинство из них являлись вариациями его диссертационного исследования «Закат Мидгарда», которое было опубликовано в 1927 году. Уже из названия диссертации видно, что Куммера очень впечатлила работа Освальда Шпенглера «Закат Европы». Однако Куммер говорил не обо всей Европе, а лишь о драматическом упадке древнего германского мира, утрате германской религиозности, что имело для немецкого народа роковые последствия. Опираясь на тезисы датского исследователя Вильгельма Грэнбега (1873–1948), Куммер проводил различия между Мидгардом и Утгардом. В этом противопоставлении Куммер изобразил фундаментальные противоречия между миролюбивым внутренним миром и агрессивной внешней средой. То есть Мидгард являл собой «действующую изнутри, вдохновенную жизненную силу», а Утгард, напротив, представлял собой «вмешивающуюся снаружи разрушительную силу». В описании Утгарда читались присущие фёлькише движению характеристики, которые давались христианству, имевшему восточные (еврейские) корни. Подобно многим авторам, происшедшим из среды немецких националистов, Бернхард Куммер в изображении двойственной структуры мира опирался на некоторые гностические источники. Так, например, он указывал, что «германская двойственность» была родственной «дуализму древних персов». По его мнению, «оба явления исходили из основополагающего деления мира на две части: содействующую жизни и враждебную жизни».

Куммер заявлял, что «германский дуализм» уже в языческие времена был подвержен сторонним влияниям (это было главным тезисом всех построений Куммера). По этой причине для исследователя пересказанная в Эдде нордическая мифология не являлась отражением оригинальной германской религиозности. С одной стороны, в ней обнаруживались следы влияния христианства. С другой стороны, мифология Эдды во многом относилась к вере в Одина, что якобы было проявлением языческого влияния Утгарда. Именно эти сторонние влияния, по мнению Куммера, и привели к закату истинной германской религиозности. Он полагал, что распространение веры в божества Утгарда вызвало внутренний раскол в мироощущениях германцев, что и стало предпосылкой для последующей успешной христианизации Северной Европы и предопределило окончательный «закат Мидгарда». Результатом этой трансформации стало появление так называемого «фаустовского человека», который обладал двумя душами, разрывавшими его между «беспокойными страстями мира и стремлением к отказу от мирской суеты». Конструкция Бернхарда Куммера нашла понимание в наиболее радикальных сегментах фёлькише движения, где как раз занимались проблемой (вос)создания германской религиозности. Исходным пунктом в этих построениях было обвинение христианства (в первую очередь католичества) в крайней нетерпимости, что обнаруживало себя в войнах против саксов, которые вел Карл Великий, в событиях Крестянской войны, Реформации и, конечно же, в процессах над ведьмами. Куммер изначально готов был выражать симпатии всем тем, кто пытался хоть как-то противостоять «инородной религии». Однако он был убежден, что истинная германская история была закончена после того, как «мятежная немецкая кровь была изведена на десятках тысяч костров, полыхавших по всей Европе».

Однако не стоит полагать, что обвинения, брошенные Куммером в адрес церкви, автоматически означали, что он разделял примитивную веру в ведьм. Внутри фёлькише движения он занимал позиции, которые во многом были противопоставлены ариософии. Если ариософы и фёлькише эзотерики верили в магию, ведовство, тайное расовое учение, то Куммер видел в этом чуждые для изначальной германской религиозности элементы. По его мнению, они были привнесены под влиянием христианства, способствуя формированию того, что и стало называться германским язычеством. Куммер выдвигал тезис о том, что именно проникновение суеверий и веры в ведьм способствовало упадку Мидгарда. А вера в Одина стала связующим звеном между «настоящим немецким благочестием» и «христианскими

представлениями о демонах». Именно вера в Одина якобы положила конец «истинной нордической религиозности». Куммер говорил о том, что изначальная германская религия придерживалась принципа «божества внутри нас», в то время как трансцендентный Бог-создатель был порождением иудео-христианской «инородной религии».

Попытки рассуждать о ведьмах в рационально-антиклерикальном ключе не всегда приводили к тому, что Куммер отказывался от традиционных романтических представлений. Он заимствовал по меньшей мере несколько элементов «романтической мифологии». Так, например, он говорил о жрицах и прорицательницах древних германцев, однако четко отграничивал этих персонажей от ведьм и колдуний. В данном случае Куммер обосновывал это разграничение следующим образом: прорицательницы опирались на присущие им от природы способности, в то время как ведьмы обретали их только после изучения колдовства. То есть даже в этом вопросе находило отражение противопоставление Мидгарда и Утгарда. После того как усилилось влияние христианства, что стало началом «эпохи упадка», в мире Утгарда уже была распространена вера в волшебство, которая была предназначена для «неполноценных». В этом тезисе явно читались антицыганские настроения, так как, по мнению Куммера, данное «волшебство» со временем трансформировалось в «платные предсказания цыган», а затем и вовсе скатилось до низшего уровня – веру в ведьм. Автор диссертации полагал, что «нордический героизм» изначально «противился проникновению чуждых волшебников». Позже, когда Мидгард находился на закате, католическая церковь смогла использовать этот «здоровый инстинкт» в своих собственных целях.

Определяющее значение работа Куммера имела хотя бы в силу тех обстоятельств, что ее автор, в стиле многочисленных предшественников из XIX и XX веков, установил изначальную причину преследования ведьм в женоненавистничестве, якобы присущему христианству. Корни этого явления, по мнению Куммера, уходили в Ветхий Завет. Он указывал, что соблазнение Адама Евой стало библейской «основой для уничтожения ведьм». Куммер говорил об иудео-христианском презрении к женщине, которое было полностью противопоставлено древнегерманскому общественному строю, в котором «признавалась равноценность и мужчин, и женщин». Вне всякого сомнения, Куммер со своим провозглашением «равенства полов» не всегда мог найти понимание в фёлькише движении, часть которого придерживалась антифеминистических и даже женоненавистнических установок. Однако построения Куммера базируются на более основательном осознании различия полов, нежели это делалось в «романтической мифологии» или фёлькише эзотерике. Он высказывал мысль о том, что религиозное предназначение германской женщины было утрачено именно в тот момент, когда стала формироваться вера в ведьм. Связь христианской концепции, предполагавшей существование демонов, с германской верой в «нордических прорицательниц» для Куммера была несомненной, так как подобное негативное восприятие германских женщин было связано иудео-христианской традицией изображения женщин вообще как «матери прегрешений». При этом Куммер не видел противоречия в том, что в христианстве существовал двойственный образ женщины: с одной стороны, недостижимая Дева Мария, с другой – утратившая человеческий облик ведьма. Куммер полагал, что противопоставление было иллюзорным, то есть «культ Мадонны и вера в ведьм были двумя сторонами одной и той же медали». В качестве вывода Куммер провозглашал, что настоящая германская женщина была «растерта между жерновами ликов Мадонны и костров, на которых сжигали ведьм». Он писал по этому поводу: «Христианские монахи и монахини унизили германскую женщину, потенциальную мать, породив богомольную мещаночку, Гретхен, которая стыдится своего природного предназначения и просит прощения у Марии за свое материнство».

Как видим, Куммер придерживался весьма специфической точки зрения, полагая, что ведьмы в германской культуре были «чужеродным явлением» и преодоление веры в них являлось предпосылкой для «возрождения настоящей германской религии». В этом изобра-

жении для нас важным является то, что «германское равноправие полов» противопоставлялось «иудео-христианскому преследованию ведьм».

В рамках идеологии фёлькише движения утверждения Куммера о том, что Эдда являлась документом «низшего уровня», который свидетельствовал об упадке находящейся под патриархальным влиянием германской религиозности, не всегда находили понимание. Однако эти тезисы были активно поддержаны германским исследователем голландского происхождения Германом Виртом. Вирт, который считал себя специалистом по духовной истории древности, являлся одним из центральных персонажей в среде «нордических теоретиков». Подобно Бернхарду Куммеру, он имел университетское образование, получил ученую степень как германист. В годы Первой мировой войны Герман Вирт являлся активистом радикальных фламандских националистических организаций, которые выступали за союз с Германией. В 20-е годы XX века он переселился в Марбург, где очень скоро установил контакты с немецкими фёлькише. В основу своих научных построений, касавшихся истории и религии, он положил такой источник, как «Хроника Ура-Линда», которая вызывал немало вопросов в академической среде. Изданная в 1933 году с обильными комментариями, эта хроника не всегда воспринималась всерьез даже националистами.

Герман Вирт со своей супругой в стилизованных средневековых костюмах

В отличие от Куммера Герман Вирт ни в коем случае не ограничивался традиционными для «германской идеологии» письменными источниками, датированными временем предположительного язычества. По большому счету Вирт пытался в характерной для гностицизма манере установить «связь между наукой и познанием Бога на основе исторического развития». Именно по этой причине Вирт пытался представить свои изыскания как формирование особой научной дисциплины – духовной истории древности. На ее основе он планировал не более и не менее как возрождение «древнего сообщества» и проторелигии с целью «освобождения человечества от проклятия цивилизации». В рамках фёлькише движения это могло трактоваться исключительно как «возрождение нордической расы». Сам же Вирт осознавал свой проект как исключительно «немецкую миссию», так его «религия избавления» должна была привести к «обожествлению немецкого человека света». В своей работе «Что

является немецким?» Герман Вирт писал: «Немецкое – это значит “происходящее от Бога”, “жизнь Бога”. Эта жизнь порождена светом, который происходит от Бога. Тот, кто является немцем, происходит от Бога, несет в себе частичку Божественного света, как проявления вечности, передающегося из поколения в поколение».

Формируя еще одну новую научную дисциплину, которую Вирт назвал «изучением древних символов» (точный перевод едва ли возможен – можно также использовать термины «протосимволоведение» или «археосемиотика»), он изложил свои идеи в таких фундаментальных трудах, как «Происхождение человечества» и «Священная протописьменность человечества». В этих работах Герман Вирт изучал и трактовал такие древние изображения, как «колесообразные кресты», руны, скальные надписи. Во всех них он видел отражение «священной протописьменности», при помощи которой можно было постичь смысл древнейшей религии (прарелигии). Не все представители фёлькише движения могли согласиться с результатами исследований Германа Вирта. Некоторых смущали его методы работы, а некоторых – именно полученные результаты. Дело в том, что Вирт в своих работах показывал, что изначальная «нордическая религия» была по своей сути монотеистичной, в которой имелось напоминающее классическую Троицу божество: Бог-Отец, Мать и Сын. Для поборников националистического язычества подобные выводы казались кощунственными, то есть «слишком христианскими». Вирт писал: «Мы обретаем уверенность в законах жизни через раскрывавшееся нам во многообразии богатое наследие, через божественное мировоззрение наших предков, через космическое учение Отца Вседержителя и его Сына... Благодаря которым мы можем рождаться и возрождаться из материнских вод, коими окропляется священная Мать-Земля... Осознание этого и обновление духа в нашей крови позволит нам снова стать светоносными Спасителями мира».

Герман Вирт с культовой символикой в руках

В центр космического мифа о Спасителе, который сводился к циклическому бытию – исчезновению, смерти и возрождению божественного Сына, – Герман Вирт поместил фигуру (арийского) «культурного героя», который должен был стать основой для формирования новой религиозности. Если обобщить религиозно-исторические построения Германа Вирта, то его мифический герой должен был как бы проходить ежегодный цикл, состоящий из рождения, смерти, возрождения, что само по себе являлось архетипической схемой. Вершиной этого цикла должно было стать зимнее солнцестояние, когда людям возвещалось о возвращении нордического героя, отпрыска Матери-Земли. Подобные религиозные представления были положены Германом Виртом в его концепцию матриархата, которая несколько отличалась от предложенной Бахофеном теории. Вирт предполагал наличие некой нордическо-матриархальной стадии развития в истории человечества, эпохи «матерей народа». Надо отметить, что матриархально-мифические идеи Вирта, подобно расовой теории равенства полов, выдвинутой Куммером, никогда не воспринимались в фёлькише движении как непреложные истины. Несмотря на то что Герман Вирт пытался использовать сугубо научные средства для доказательства своих предположений, он все-таки использовал некоторые элементы «романтической мифологии». В частности, это касалось представлений о «мудрых женщинах», которых он под названием «прорицательниц» или «жриц Все-матери-Земли» делал центральными фигурами культового матриархата. Герман Вирт писал: «Когда-то женщина была выразительницей и хранительницей нашей древней Божественной свободы... В соответствии с этим мировоззрением и богопознанием мы должны признать, что она носила в себе частицу божественного знания». Словно опираясь на романтические образы ведьм, Герман Вирт писал о «жрицах Все-матери-Земли» как о «врачевательницах и акушерках», «хранительницах самых священных преданий».

Подобно тому как Куммер приписывал уничтожение германского равноправия полов инородному влиянию, так и Герман Вирт писал об утрате «мудрыми женщинами» и «матерями народа» своего влияния под воздействием внешних факторов. По его мнению, функцию «жриц Все-матери-Земли» перехватили «кельтские шаманы, друиды, которые появились в ранние времена среди германских племен Западной Европы». Друиды были одержимы «окультурным стремлением превратить знания в тайну», что в итоге привело к возникновению «кровавых суеверий». Несмотря на то что Герман Вирт использовал в своих построениях некоторые элементы «романтической мифологии», он был обеспокоен тем, чтобы провести грань между выявленной им «прарелигией» и оккультными суевериями. По этой причине он не раз критиковал ариософию. По мнению Вирта, отказ от религиозного матриархата привел к «почитанию демонов» и использованию «фаллической культовой символики», что являлось признаками «религиозного и расового вырождения». Когда «суеверная церковь» вела борьбу против религиозного наследия «мудрых женщин», то она на самом деле занималась «работой по саморазрушению германцев», что в итоге и привело к преследованию ведьм. Он писал: «Полное изгнание женщины и матери из духовной жизни народа превратило их из равноправных спутниц мужчины в чахнущую служанку, однако в отличие от восточных и южных сестер ее отличали меньшая инстинктивность и большое стремление к одухотворенности».

Согласно Герману Вирту, предполагаемое «возрождение нордической расы» во многом зависело от «самоопределения немецкой женщины», так как «без повторного обретения ее божественного материнства, ее народного первородства любые устремления мужчин оставались бы безрезультатными». В отличие от многих представителей фёлькише движения, которые были противниками феминизма, Герман Вирт настаивал на возникновении «нордического женского движения», которое должно было превзойти феминизм по всем пара-

метрам. Принимая во внимание эту установку, нет ничего удивительного в том, что Герман Вирт стал привлекать к своей деятельности женщин, входивших в фёлькише движение. Именно эти представительницы фёлькише движения пытались увязать воедино националистическую идеологию и требования, которые выдвигались феминистками. Поскольку далее пойдет речь о восприятии ведьм и колдуний так называемыми «нордическими феминистками», то необходимо подчеркнуть, что фёлькише движение было преимущественно мужским, наличие в нем женщин было скорее исключением, нежели правилом. По этой причине большинство и фёлькише группировок и союзов придерживались антифеминистских лозунгов, а в некоторых случаях даже исповедовали женоненавистническую идеологию. Поэтому нельзя говорить о «нордическом феминизме» как о каком-то широком движении, которое обладало специфическими чертами, существенно отличавшими его от прочих фелькише организаций. Но нельзя не заметить, что накануне Первой мировой войны в немецком националистическом движении и правых организациях стало появляться все больше женщин. Поначалу это, как правило, были жены и сестры активистов фёлькише движения. Однако ситуация стала меняться в годы Первой мировой войны. Первая «нордическая женская организация» возникла в 1917 году. Она была создана на основе «Общины немецкой веры», которой руководила Маргарет Хункель. Именно на базе этой общины появилось «Немецкое сестринство», располагавшееся в специальном фёлькише поселении Доннерсхаг. Это поселение возникло в качестве одной из практических мер по осуществлению идей Хенчеля (программа «Миттгарт»), которые, как мы помним, были ориентированы на расовую селекцию. Доннерсхаг возник как специальный поселок, в котором планировалось начать «возрождение германской расы». В программе «Немецкого сестринства» говорилось, что ее целью являлось «обеспечение активной духовной немецкой жизни», «забота о процветании кровной общности, которая должна пониматься как богослужение, предполагающее расширение возможностей для женщин реализовать свои расово-материнские функции». Однако надо отметить, что в данном случае ни слова не говорилось о равноправии полов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.